

Рекс Тодхантер Стаут
Если бы смерть спала (сборник)
Серия «Великие сыщики. Ниро Вульф»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9482538

Если бы смерть спала : [роман, повести] / Рекс Стаут ; [пер. с англ.]: Амфора; Санкт-Петербург;

2014

ISBN 978-5-367-03103-4

Аннотация

В это издание вошли роман «Если бы смерть спала» и повести «Иммунитет к убийству», «Слишком много сыщиков».

Содержание

Если бы смерть спала	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	24
Глава пятая	33
Глава шестая	38
Глава седьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Рекс Стаут

Если бы смерть спала (сборник)

Rex Todhunter Stout

If Death Ever Slept

Immune to Murder

Too Many Detectives

*Настоящее издание выходит с разрешения литературных агентств Curtis Brown UK
и The Van Lear Agency LLC*

© Rex Stout, 1957

© Rex Stout, 1955

© Rex Stout, 1956

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014

* * *

Если бы смерть спала

Глава первая

Сказать, что мы с Вульфом совсем не разговаривали тем майским утром в понедельник, было бы неверно.

Мы хорошо побеседовали с ним минувшей ночью. Дело было так. Вернувшись домой около двух часов ночи (дом – это старый особняк из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, собственность Вульфа, где живут он, Фриц, Теодор и я), я удивился, что он еще не спит, а сидит за своим столом в кабинете и читает книгу. По тому, как он на меня глянул, я ясно понял, что он не в духе. Когда я шел проверить, заперт ли сейф, то был склонен думать, что всему виной книга, но тут босс вдруг рявкнул за моей спиной:

– Где тебя носило?

– На каком основании я должен докладывать? – огрызнулся я.

Он смерил меня испытующим взглядом:

– Правильней было бы спросить, где тебя не носило. Тебе пять раз звонила мисс Роуэн, первый раз в девятом часу, последний – полчаса тому назад. Если бы я лег спать, она бы все равно не дала мне уснуть. Насколько тебе известно, у Фрица сегодня свободный вечер.

– Он еще не появлялся?

– Он уже здесь, но ему завтра рано вставать готовить завтрак, поэтому я не стал его беспокоить. Ты сказал, что идешь с мисс Роуэн во «Фламинго», но ты туда не пошел, а так как она звонила мне пять раз, не ты, а я провел целый вечер в ее обществе. И, должен тебе признаться, удовольствия от этого не получил. Это для тебя не основание?

– Нет, сэр. – Я стоял возле стола Вульфа и взирал на него сверху вниз. – Давайте попробуем еще раз. Я выйду и снова войду, а вы скажете, что не любите, когда вам мешают читать, и что мне заранее следовало поставить вас в известность о том, что я собираюсь проучить мисс Роуэн. Я отвечу, что виноват, но, уходя из дома, я еще не знал, что ее придется учить. Я узнал об этом, когда поднялся в лифте в ее мансарду и обнаружил там кое-кого из тех, кого, как ей известно, я не жалую. Вот я и смотался. Куда – отношения к делу не имеет, но, если вы настаиваете, можете позвонить по номеру, который я вам скажу, и спросить миссис Шребенуэлдер. Если подойдет ее муж, измените голос и скажите, что...

– Ха! Мог, по крайней мере, позвонить.

От моего звонка ему бы не стало легче. Просто ему хотелось поперекаться. Ведь мое сообщение о том, что я изменил программу, не помешало бы Лили Роуэн отвлекать его от книги... Согласен, невеликодушно избивать тех, кто не сопротивляется, однако я, только что преподав урок Лили Роуэн, вошел во вкус и решил проучить заодно и Вульфа. Что и сделал.

Возможно, я немного переусердствовал. Короче, мы разошлись спать, не пожелав друг другу спокойной ночи.

Но было бы ошибочно утверждать, что мы с ним в понедельник утром совсем не разговаривали. Когда он, по обыкновению, спустился в одиннадцать часов из оранжереи, я вполне разборчиво пожелал ему доброго утра, он походя буркнул мне в ответ то же самое. До прихода Отиса Джарелла, о котором было условлено заранее, мы с ним обменялись по крайней мере двумя десятками слов, может, даже больше. Помню, Вульф спросил, сколько у нас осталось денег в банке, и я ему ответил. Правда, отношения между нами оставались натянутыми, и, когда я провел Отиса Джарелла в кабинет и усадил в обитое красной кожей кресло возле стола Вульфа, последний одарил его прямо-таки лучезарной улыбкой и поинтересовался:

– Итак, сэр, что вас ко мне привело?

Это было так не похоже на Вульфа. Я понял, что спектакль рассчитан на меня. Он соби-
рался довести до моего сведения, что пребывает в превосходнейшем расположении духа,
и если в его обращении со мной чувствуется сдержанность, то это только потому, что я
крепко провинился. Ему же доставляет удовольствие общаться с человеческим существом,
которое способно оценить хорошее обращение.

Вульф знал, что у этого человеческого существа, Отиса Джарелла, было по крайней
мере одно преимущество передо мной: его капитал оценивался более чем в тридцать мил-
лионов долларов. Наводя о нем справки (я по мере возможности навожу их обо всех, кто
добивается встречи с Ниро Вульфом), я узнал, помимо этого весьма важного обстоятель-
ства, что в справочнике «Кто есть кто» мистер Джарелл значится как капиталист (весьма
неопределенное занятие), что его офис находится в его квартире на Пятой авеню в районе
Семидесятых улиц, что (это было почерпнуто из телефонного разговора с Лоном Коэном
из «Газетт») у него репутация крепкого орешка, который не так-то просто расколоть, и что
он никогда не сидел в тюрьме.

Вид у него был вовсе не крепкий, а скорее дряблый, но внешность обманчива. Помню,
у одного самого что ни на есть крепкого орешка щеки отвисали так, что ему следовало бы
заказать для них бюстгальтер. Правда, Джарелл еще до такого не дожил, но его кожа уже
была дряблой. И хотя портной, которому отвалили три, а может, и все четыре сотни за пошив
этого коричневого в черную полоску костюма, старался изо всех сил, брюки, что называется,
лопались от складок жира, стоило Джареллу сесть.

Но в данный момент не это тревожило капиталиста. Сверля своими хитрыми глазками
круглую физиономию Вульфа, он изрек:

– Хочу нанять вас по одному конфиденциальному делу. Мне известна и ваша репутация,
и репутация Гудвина, в противном случае я бы сюда не пришел. Прежде чем ввести вас
в курс дела, я хочу, чтобы вы оба поклялись в том, что все сказанное останется между нами.

– Мой дорогой сэр, как я могу согласиться взяться за дело, не зная, что оно собой
представляет? – удивился Вульф. – Что касается тайны, то я храню ее всегда, даже если
меня об этом не просят. Если только это не ведет к соучастию в уголовщине. То же самое
относится и к мистеру Гудвину.

Джарелл удостоил меня пристальным взглядом. Я был сама любезность.

– Меня это устраивает, – сказал он, обращаясь к Вульфу. Он засунул руку в карман,
достал из него плотный конверт с пачкой запечатанных бумажной лентой ассигнаций, швыр-
нул деньги на стол Вульфа и, поискав глазами мусорную корзину, бросил пустой конверт
на пол. – Здесь аванс в десять тысяч долларов. Выдай я вам чек, об этом могут разноухать
те, от кого я хотел бы это скрыть. Расписка не нужна.

Это прозвучало несколько грубо, но, что поделывать, у аванса есть свои привлекательные
стороны. Мне даже показалось, что Вульф шевельнул двумя пальцами. Правда, тут могло
сказаться состояние наших отношений на сегодняшний день.

– Я предпочитаю всегда давать расписку, – возразил Вульф. – Итак, что вам от меня
нужно?

– Мне нужно, чтобы вы изгнали из моего дома змею. – Джарелл стиснул кулаки. – Это
моя невестка, жена сына. Я хочу, чтобы вы нашли доказательства ее виновности, в которой я
убежден, тогда бы ей пришлось убраться. – Он взмахнул кулаками. – Вы добываете мне эти
доказательства, а распорядиться ими я буду сам. Мой сын с ней разведется. А мне именно
это и нужно, иначе...

– Прошу прощения, мистер Джарелл, но вы ошиблись адресом, – прервал его Вульф. –
Я не занимаюсь супружескими неурядицами.

– Она мне не жена. Она моя невестка.

– Но вы упомянули слово «развод», а это уже из области супружеских неурядиц. Вы желаете получить доказательства ее виновности, что послужило бы причиной развода. С таким стимулом, – Вульф указал пальцем на пачку денег на столе, – вы его непременно получите, даже если такового не существует.

Джарелл затряс головой:

– Вы неправильно меня поняли! Давайте я расскажу вам о ней. Так вот, она змея, к тому же никудышная жена. Я уверен, что она изменяет моему сыну, но это еще не все. Она и меня обманывает. Вижу, придется ввести вас в курс моих дел. Мой офис находится у меня в квартире, я держу секретаря и стенографистку. Они живут при мне. Кроме них со мной живут: моя жена, сын со своей женой, моя дочь и шурин. Я покупаю и продаю все, начиная от конюшен с лошадьми и заканчивая корпорацией по производству красных чернил. У меня водятся наличные, много наличных, и об этом знают все, кому это нужно знать, от Рима до Гонолулу, поэтому большой офис мне ни к чему. Если вам встретится человек, которому нужны наличные и который взамен может предложить что-либо стоящее, посылайте его ко мне.

– Непременно. Но давайте лучше поговорим о вашей невестке.

– Вот именно. В прошлом году по вине тех, кто знал о моих планах, у меня сорвались три выгодные сделки. Убежден, их информировала моя невестка. Не знаю точно, каким образом она добыла эту информацию (выяснить это тоже, кстати, входит в ваши обязанности), знаю только, что в одном случае меня опередил человек по фамилии Брайэм, Корей Брайэм. Уверен, она состоит с ним в связи, только у меня нет доказательств. Если хотите, называйте это супружескими неурядицами – не возражаю, только речь не о моих неурядицах. Моя неурядица – Трелла, а с ней я уж как-нибудь и сам управлюсь. К тому же моя невестка превратила дом в настоящий бедлам. Она во все сует свой нос, хотя и маскирует это чертовски хитро. Но меня-то не проведешь. Я горю желанием от нее избавиться.

– Тогда возьмите и укажите ей на дверь. Разве дом принадлежит не вам?

– Это не дом, а квартира. Два верхних этажа большого дома. Двадцать комнат. Собственная. Если я укажу невестке на дверь, с ней вместе уйдет и сын, а я хочу, чтобы он был при мне. Она стоит между мной и моим сыном, а я бессилён что-либо сделать. Честно говоря, я пришел сюда с особым предложением, касающимся Гудвина. Желаете его выслушать?

– Думаю, в этом нет необходимости. Я понял, что вам нужен повод для развода.

– Нет, мне нужно выдворить из дома змею. Что касается Гудвина... Помните, я сказал, что держу секретаря? Это не совсем так. Я уволил его неделю назад. Я заподозрил его в том, что он сообщил информацию определенным кругам, и из-за этого...

– У меня создалось впечатление, что вы подозреваете в этом вашу невестку.

– Совершенно верно. Но разве нельзя подозревать двоих одновременно? Итак, секретарское место вакантно. Почему бы Гудвину не занять его? В таком случае он окажется в самой гуще событий, к тому же у него появится масса возможностей ее застукать. Мой секретарь обедал за одним столом с нами; разумеется, это распространяется и на Гудвина. Если у вас нет других дел, можно начать хоть сегодня. Прямо сейчас.

Джарелл не вызывал у меня симпатии, но мне было его жаль. Человек, который хочет завоевать мою симпатию, не должен быть таким наивным. Если его невестка на самом деле хитра как змея, этот номер ни за что не пройдет. К тому же одна только мысль о том, что Вульф согласится обходиться без меня, своего помощника, к которому обращаются по каждому пустяку, начиная от диктовки письма и кончая отпором незапланированным посетителям, кому угодно покажется смехотворной.

Прибавьте к этому правило Вульфа не совать нос в супружеские передряги.

Вот почему я даже проникся к нему жалостью, услышав ответ босса:

– Сами понимаете, мистер Джарелл, Гудвин может задержаться у вас надолго, в то время как его присутствие может оказаться необходимым здесь.

– Разумеется, понимаю.

– К тому же, как мне кажется, существует опасность, что всплывет его неосведомленность в делах подобного рода.

– Нет, этого бояться нечего. Этого не заметит даже мисс Кент, моя стенографистка. Ни один из моих секретарей понятия не имел, в чем состоят его обязанности, покуда я сам его с ними не знакомил. Вот что касается имени... Конечно, оно не так знаменито, как ваше, но все равно известно многим. Гудвину придется изменить и имя, и фамилию.

Я уже достаточно пришел в себя, чтобы подать голос. Судя по всему, Вульф решил, что я, оказавшись застигнутым врасплох, начну протестовать и это даст ему возможность не спускаться с пьедестала, за что и получил щелчок по носу.

После взбучки, которую он устроил мне ночью, я почувствовал облегчение, услышав, что мой голос меня не подвел.

– Что касается фамилии и имени, мистер Джарелл, – заметьте, я обращался не к Вульфу, а к нему, – то, поскольку я могу надолго застрять у вас, мне придется взять кое-что из личных вещей, а они все помечены инициалами «А. Г.». Как насчет Абы Гольдштейна?

Джарелл окинул меня оценивающим взглядом и скривил губы.

– Не пойдет. Нет-нет, я ничего не имею против евреев, особенно тех, которым нужны наличные, только вы на еврея не похожи.

– Да, вы правы, фамилия должна соответствовать облику. Как насчет Адониса Гилфойла?

Джарелл засмеялся:

– Должен признать, мне тоже присуще чувство юмора, так что мы с вами, Гудвин, непременно поладим. Ну-ка я попробую. А – Ален? Хорошо. Г – Годфри? Нет, не то. Грин? А почему бы и нет? Ален Грин.

– О'кей. Не слишком оригинально, но сойдет. – Я встал. – На сборы у меня уйдет минут пятнадцать – двадцать, не больше.

– Арчи! Сядь!

На стороне Вульфа было большое преимущество. Он был владельцем этого особняка и всей обстановки в нем, за исключением моей спальни. Он был моим патроном и платил мне жалованье. Он весил чуть ли не на сотню больше моих ста семидесяти восьми фунтов. Кресло, с которого я только что встал, стоило сто тридцать девять долларов девяносто четыре цента. То, в котором восседал он, огромное, сделанное по спецзаказу, стоило шестьсот пятьдесят долларов. Мы оба были известными детективами, разница состояла лишь в том, что он был гением, а я – сыщиком-исполнителем. При помощи или даже без помощи Фрица Вульф мог быстро приготовить селезня в рисовом отваре по-нормандски. Я же был способен в лучшем случае на омлет. И наконец, в его оранжерее на крыше произрастало десять тысяч орхидей, у меня же на подоконнике – одна-единственная африканская фиалка, да и та чахлая. И так далее.

Но он просчитался, решив, что я первый взвою от такого предложения, и теперь сидел в глубокой луже.

– Вы что-то имеете против Алена Грина? – вежливо поинтересовался я у Вульфа.

– Ха! Я не давал тебе распоряжения соглашаться на предложение мистера Джарелла.

– Совершенно верно. Однако вы дали мне понять, что это лишь вопрос времени. При чем весьма недвусмысленно.

– Я бы хотел поговорить с тобой.

– Отлично, сэр. Начнем же. Итак, вы можете предложить что-нибудь лучше Алена Грина? Если нет, то наверняка мне пора получить от вас исчерпывающие инструкции, занести их в блокнот, а потом уж заступать на новую должность...

– Так, значит...

Вульф не закончил фразы. Видимо, он хотел сказать: так, значит, ты упорствуешь в этой своей идиотской затее или что-либо еще покрепче, но вовремя понял, что сам напросился. К тому же мы были не одни. Упаси бог подумать, будто Вульфу помешала высказаться пачка денег на столе. Я был свидетелем того, как он выставлял за дверь десятки мужей и жен, предлагавших ему куда более крупные суммы, только бы он помог им выпутаться из кошмара, который начался с идиллии. Нет. Вульф знал, что проиграл, догадывался, что об этом знаю я, но не хотел в присутствии чужих признаться в этом.

– Отлично, – буркнул он. Встал, оттолкнул кресло и сказал, обращаясь к Джареллу: – Прошу меня извинить. Мистер Гудвин сам знает, что нужно делать.

Он обошел вокруг красного кожаного кресла и вышел вон.

Я сел за свой стол, достал блокнот и карандаш и повернулся к клиенту:

– Прежде всего попрошу вас назвать всех поименно.

Глава вторая

К сожалению, не могу предложить вам почувствовать себя как дома в этой двухэтажной квартире на Пятой авеню, ибо я сам так там и не освоился.

Джарелл сказал, что в квартире двадцать комнат, но их там было, похоже, семнадцать, девятнадцать, двадцать одна или двадцать три. Двадцать у меня не получалось никак. И вовсе не два этажа, а три. Лакей Стек, экономка миссис Лэтем и две горничные, Гоуз и Фрида, ночевали этажом ниже, и это квартирой не считалось. Шофер и повар были приходящие.

Офис Джарелла, который домашние называли библиотекой, был расположен на первом этаже квартиры в задней части дома. Когда мы прибыли во владения Джарелла, он, поручив мой багаж Стеку, провел меня прямо туда. Это была квадратная комната с окнами на одну сторону. В ней имелось три стола: большой, средний и маленький. На большом столе я насчитал четыре телефона: красный, желтый, белый и черный; на среднем – три: красный, белый и черный; и на маленьком – два: белый и черный. С одной стороны находились металлические шкафы для бумаг во всю стену, с другой виселись полки, заваленные книгами и журналами. В четвертой стене были три двери, два больших сейфа, стол, заваленный свежей периодикой, и холодильник.

Джарелл подвел меня к маленькому столу, примерно такому, как мой дома, и сказал:

– Нора, это Алэн Грин, мой секретарь. Вы должны помочь мне ознакомить его с механизмом нашего дела.

Сидевшая за столом Нора Кент откинула назад голову и устремила на меня взгляд серых глаз. В своем блокноте я проставил ее возраст (сорок семь), но выглядела она моложе, хотя ее каштановых волос уже коснулась седина. Еще у меня было записано, что она опытна, заслуживает доверия и что ее так просто не проведешь. (О последнем можно было догадаться по ее виду.) У Джарелла она проработала двадцать два года.

– Считайте, что я поступила в ваше распоряжение, мистер Грин, – сказала Нора и перевела взгляд на Джарелла. – Вам трижды звонил мистер Клей. Вас разыскивает маклер: некий мистер Уильям Р. Боуэн; Толедо, 79. От миссис Джарелл к обеду будут три гостя, их список на вашем столе, там же и телеграмма. Когда я должна заняться мистером Грином?

– Это не к спеху. Дайте ему прежде осмотреться. – Джарелл указал на стол среднего размера. – Это ваш, Грин. Теперь вы сами найдете сюда дорогу. Я сказал Стеку... А вот и он. – Дверь распахнулась, и на пороге появился лакей. – Стек, прежде чем отведете мистера Грина в его комнату, покажите ему весь дом. Чтобы он не заблудился. Вы доложили миссис Джарелл о его прибытии?

– Да, сэр.

Джарелл уселся за свой стол.

– Вы свободны, Грин. Коктейль в гостиной в шесть тридцать. Мы с Норой займемся делами.

Стек посторонился, чтобы дать мне дорогу.

– Сюда, сэр, – сказал он и понесся по коридору.

– Погодите, Стек! – Он притормозил и обернулся. – У вас усталый вид. – Это соответствовало истине. – К тому же у вас, вероятно, есть свои заботы.

– Вы правы, сэр.

– Проводите меня в мою комнату.

– Мистер Джарелл сказал, чтобы я показал вам весь дом.

– Вы можете сделать это потом, когда будет время. Сейчас мне нужна только моя комната. Я хочу прополоскать горло.

– Слушаюсь, сэр. Сюда, сэр.

Мы свернули за угол и очутились возле лифта. Я спросил, есть ли в этом доме лестницы, и узнал, что их три: одна из гостиной, другая из коридора и третья служебная, в задней части помещения. А кроме того, три лифта. Тот, в котором мы теперь поднимались, был облицован позолоченными пластинами.

На верхнем этаже мы свернули налево, потом направо, где-то в самом конце холла Стек открыл передо мной дверь и поклонился, пропуская меня вперед. Он вошел следом и объяснил, как пользоваться телефонами. Зеленый звенит, это для городской связи. Черный гудит, это внутренний аппарат, по которому можно соединиться с мистером Джареллом или с кем угодно в доме. Я поблагодарил его и отпустил.

Комната была двенадцать на шестнадцать футов, на двух больших окнах – жалюзи. Немного пестро, но в общем неплохо. При обычных обстоятельствах я бы незамедлительно воспользовался зеленым аппаратом, чтобы доложить Вульффу о своем прибытии. Но я отбросил эту мысль, вымыл руки, поправил галстук, вынул блокнот и, усевшись возле окна, принялся изучать список действующих лиц.

Миссис Отис Джарелл (Трелла) – супруга Джарелла.

Лоис Джарелл – его дочь от первой жены.

Уимен Джарелл – сын от нее же.

Миссис Уимен Джарелл (Сьюзен) – невестка Джарелла, она же змея.

Роджер Фут – брат Треллы.

Нора Кент – стенографистка Джарелла.

Джеймс Л. Ибер – его бывший секретарь.

Корей Брайэм – друг дома, который помешал сделке.

Двое последних здесь не проживали, однако не исключалась возможность, что со временем придется заняться и ими, если, конечно, я рассчитываю на успех, что весьма сомнительно. Если Сьюзен на самом деле змея и если для того, чтобы заработать гонорар, мне нужно разлучить ее с мужем и изгнать из семьи, хлопот предстоит немало.

Мои наручные часы показывали, что до коктейля оставалось еще сорок минут. Я засунул блокнот в небольшой портфель, в котором лежало несколько личных вещей, неподобающих Алену Грину, запер портфель, вышел из комнаты и, отыскав лестницу, спустился на этаж ниже.

В течение следующих пятнадцати минут я раз пять терял дорогу. Впрочем, я не прав: я ее просто не знал, и мне нечего было терять.

Очутившись в третий раз у открытой двери, откуда были виден угол рояля и слышна болтовня радио– или теледиктора, я решил ретироваться и направиться на поиски переднего балкона, как вдруг меня окликнул женский голос:

– Это ты, Уи?

Я на ходу переменял свои планы и вошел в ту комнату, где находился телевизор и которая, как я узнал позже, называлась у них студией.

– Я – Ален Грин, – представился я. – Заблудился.

Дама покоилась на кушетке, вытянув ноги и опершись спиной о подушки.

Поскольку она выглядела слишком пожилой для того, чтоб быть Лоис или Сьюзен, хотя была отнюдь не старухой, я решил, что передо мной Трелла, супружеская неурядица Джарелла. У нее было фунтов шесть-семь лишнего веса в талии и под подбородком. Вероятно, когда-то эта голубоглазая блондинка производила весьма привлекательное впечатление, но теперь ее кости обтянул слишком толстый слой жира. То, что выступало из-под юбки ее синего платья, от колен и ниже, все еще было достойно внимания. Пока я разглядывал ее, она потянулась к пульту дистанционного управления и выключила телевизор.

Теперь наступил ее черед разглядывать меня.

– Секретарь?

– Да, мэм, – кивнул я. – Меня только что взял на работу ваш муж, если вы миссис Отис Джарелл.

– Вы на секретаря не похожи.

– Я знаю, что это мой недостаток. Попытаюсь исправиться.

Она зевнула, прикрыв рот маленькой холеной ручкой.

– Черт побери, никак не проснусь. Телевидение лучше любого снотворного, верно? –

Она похлопала по кушетке рядом с собой. – Проходите и садитесь. Что дало вам основание предположить, что я миссис Отис Джарелл?

Я не сдвинулся с места.

– Во-первых, то, что вы здесь. Во-вторых, мисс Лоис Джарелл вы быть не можете по той простой причине, что такая женщина, как вы, не может не быть замужем.

В-третьих, вы ни в коем случае не миссис Уимен Джарелл, ибо у меня сложилось впечатление, что мой хозяин недолгоблывает свою невестку, я же не могу поверить в то, что можно недолгоблывать вас.

– Откуда у вас такое впечатление?

– От него самого. Когда мистер Джарелл предупреждал меня, чтобы я ни с кем не говорил о делах, как мне показалось, он особенно выделил свою невестку.

– А почему я не могу не быть замужем?

Я улыбнулся.

– Вам придется меня извинить, ведь я всего лишь отвечаю на ваш вопрос. Зная, что представляют собой мужчины, я бы ни за что не поверил в то, что вы свободны.

– Очень мило. – Миссис Джарелл улыбнулась мне в ответ. – Очень мило. Господи, за что тут извиняться? Вы и говорите не как секретарь. – Она оттолкнула от себя пульт дистанционного управления. – Вы любите баранью ногу?

Я понял, что пора притормозить. Разумеется, я был бы счастлив как можно скорее завязать хорошие отношения с хозяйкой дома, ибо это способно очень даже помочь в охоте на змею, но ее желание, что называется, с первого взгляда накормить нового секретаря бараньей ногой меня насторожило. Так как я не походил на секретаря ни разговором, ни тем более обликом, я должен был, по крайней мере, вести себя подобающим для секретаря образом. Пока я размышлял над этой проблемой, подоспела помощь.

В коридоре послышались шаги, и в комнату вошел мужчина. Увидев меня, он сделал три шага и остановился.

– Кажется, мне не придется тебя будить, – сказал он Трелле.

– Да, Уи, сегодня не придется. Это новый секретарь твоего отца, Грин. Ален Грин. Мы с ним уже познакомились.

– Да? – Он подошел к миссис Джарелл, наклонился и поцеловал ее в губы. Мне показалось, что это было не совсем по-сыновьи, но ведь она и не была его матерью. – Сегодня у тебя не заспанный вид. Ты пила?

– Нет, не пила. – Она улыбнулась и указала рукой в мою сторону. – Он меня разбудил. Мы будем его любить.

– Да что ты говоришь? – Сын хозяина обернулся, подошел ко мне и протянул руку. – Уимен Джарелл.

Он был на два дюйма ниже меня и на столько же уже в плечах. Такие же, как у отца, карие глаза, все остальное досталось ему от кого-то другого, в особенности эти маленькие, плотно прижатые ушки и прямой тонкий нос. На переносице залегли три глубокие складки, преждевременные в его двадцать семь лет.

– Надеюсь, мы с вами еще увидимся. Впрочем, это зависит от моего отца. До встречи. – Уимен повернулся ко мне спиной.

Я направился к двери. Миссис Джарелл сказала мне вдогонку, что коктейль в гостиной в шесть тридцать.

Я уже был на балконе в передней части покоев, видел деревца розового кизила в кадках, обратил внимание и на мебель из красного дерева, хрома и пластика. Теперь же, подойдя к каменным перилам, скользнул взглядом вдоль Пятой авеню по направлению к Центральному парку. Солнце светило прямо в глаза, и я прикрыл их ладонью, чтоб разглядеть белку, которая сидела на задних лапках на макушке дерева.

– Вы что, Зоркий Глаз? – окликнули меня сзади.

Я обернулся. Ко мне приближалась девушка в белом, с обнаженными загорелыми руками, такой же шеей и смуглым, тоже от загара, лицом с ямочками на щеках и зеленовато-карими, широко поставленными глазами. Если вам покажется, что этих впечатлений слишком много для одного беглого взгляда, вспомните, что я все-таки детектив и, значит, тренированный наблюдатель. Я не только разглядел ее, но даже успел подумать: господи, если это Сьюзен и если она и впрямь змея, мне придется самым серьезным образом заняться герпетологией.

Кажется, эта наука именно так и называется, впрочем, могу справиться в словаре.

Нас разделяло пять шагов, когда я заговорил:

– Моя есть хороший индеец. Моя есть хороший друг белого мужчины. Только ты не мужчина и не белый. Я смотрел на белку. Меня зовут Ален Грин. Я новый секретарь, которого наняли сегодня. Мне велели осмотреться, что я и стараюсь сделать. Я уже познакомился с вашим мужем.

– С моим мужем вы познакомитесь не могли. Я девица по имени Лоис. Вы любите белок?

– Не всех. У меня к ним слишком высокие требования. – При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это вовсе не ямочки, а маленькие впадинки на щеках, которые казались глубже, если свет падал с определенной стороны. – Надеюсь, я понятно выражаюсь?

– Подойдите сюда. – Она увлекла меня вправо, положила одну руку на выложенный плиткой каменный барьер, другой показала через улицу. – Видите вон то дерево?

– Без ветки?

– Да. Одним мартовским днем на его верхушке скакала белка. Мне в ту пору было девять лет. Отец подарил моему брату на день рождения ружье. Я его стащила, зарядила и долго стояла на этом самом месте, дожидаясь, пока белка перестанет скакать. Падая, она дважды зацепилась за ветки. Я позвала Уи, своего брата, и показала ему белку, которая, не двигаясь, лежала на земле. Он... Но остальное уже не важно. С теми, в кого я могу влюбиться, я люблю начинать с рассказа о самом дурном поступке в моей жизни. Вы, во всяком случае, заставили меня вспомнить о нем, сказав, что смотрите на белку. Теперь вы знаете обо мне самое худшее, если не считать моим самым дурным поступком мое стихотворение «Реквием грызуну». Оно было напечатано в нашей школьной газете.

– Ну, это куда страшней. Назвать белку пренебрежительным словом «грызун»... хотя она и есть грызун.

– Я сама об этом думала. Когда-нибудь я все это проанализирую и пойму. – Лоис махнула рукой, отодвигая от себя это «когда-нибудь». – Как вам пришла в голову мысль стать секретарем?

– Из сна. Это приснилось мне несколько лет назад. Будто я служу секретарем у одного богатого пирата. Однажды его красавица дочь стояла на краю утеса и стреляла в гофера¹, который бегал по прерии. Она его подстрелила и так расстроилась, что прыгнула вниз

¹ Гофер – американская сумчатая крыса. (Здесь и далее примеч. перев.)

с утеса. Я стоял внизу и подхватил ее, так что все кончилось романтически. Вот я и стал секретарем.

Она подняла брови и широко раскрыла глаза:

– Не могу себе представить, как дочь пирата могла очутиться на вершине утеса в пре-рии. Вам, должно быть, почудилось.

Ни один мужчина не в состоянии прервать такой бессмысленный разговор, как этот. Слава богу, у Лоис хватило приличия завести другой. Склонив голову набок, она призналась:

– Вы знаете, мне как-то не по себе. Где-то я вас видела, только не помню где, а я всегда запоминаю людей. Не подскажете, где это могло быть?

Я знал, что это могло быть все там же. Мои фото появляются в газетах не столь часто, как снимки президента Египта или даже Ниро Вульфа (последнее было там около года назад), но я знал, что это вполне вероятно. Я улыбнулся (на газетных фотографиях я никогда не улыбался) и покачал головой.

– Я бы этого не забыл. Я забываю только те лица, которые мне ни к чему помнить. Напрашивается единственное объяснение: я вам приснился.

Она рассмеялась:

– Ладно, теперь мы с вами в расчете. А все-таки жаль, что я забыла. Разумеется, я могла встретить вас в ресторане или театре, но если вы узнаете, что я запомнила вас после такой встречи, то лопнете от самомнения. Впрочем, здесь из вас и так быстро выпускают воздух. Хоть Джарелл мне и папочка, работать на него, судя по всему, несладко. Не понимаю, как... А, Роджер, привет! Ты знаком с Аленом Грином? – И она представила нас друг другу: – Папин новый секретарь. Роджер Фут.

Я обернулся. Брат Треллы был так же мало на нее похож, как и Уилен Джарелл на своего отца. Это был высокий, широкоплечий и мускулистый мужчина со скуластой физиономией. Я понял, что этот верзила вполне может раздавить мне ладонь, поэтому поспешил изо всех сил сжать его руку. Получилась ничья.

– Силен, – отметил Роджер. – Поздравляю. Небось эта шустрая девчонка уже успела выгнуть перед вами шею. Десять к одному, что она рассказала вам о своей белке.

– Роджер увлекается скачками, – пояснила Лоис. – Он чуть не попал на дерби в Кентукки. Когда-то у него была собственная лошадь, но она вывихнула ногу.

– Дело вовсе не в этом, мой ангел. Я бы все равно мог туда поехать, только вряд ли оттуда вернулся бы. Ведь твой папаша запретил банку «Вестерн юнион» принимать от меня телеграммы с униженными просьбами. Не говоря уж о телефонных звонках такого рода. Вы полагаете, что удержитесь здесь? – спросил Роджер у меня.

– Не знаю, мистер Фут. Я в этом доме всего два часа. Что, здесь на самом деле тяжело живется?

– Еще как. Даже если вы не такой бедняк, как я. – Он уставился на свою пустую руку. – Должно быть, я забыл свой стакан в доме. Вы не страдаете от жажды?

– Я страдаю, – заявила Лоис. – А вы, мистер Грин? Ален? Мы обращаемся с секретарями запросто. Пошли.

Я вошел вслед за ними в гостиную и направился к портативному бару, за которым Отис Джарелл смешивал в кувшине мартини. Справа от него стоял мужчина, слева – женщина. Мужчина был жилистый, черноглазый, в добротном темно-сером костюме с расклеванным от талии пиджаком. У женщины, возвышавшейся над хозяином дома каланчой, были рыжие волосы (крашенные или натуральные, я не разобрался), молочно-белое лицо и вставная челюсть. Джарелл представил меня, но их имена я узнал потом: миссис и мистер Герман Дитц. Новый секретарь Джарелла их не интересовал. Роджер Фут подошел с другой стороны бара и сообразил для Лоис «Кровавую Мэри», виски с содовой для меня и двойной бурбон без всяких примесей для себя.

Я сделал приличный глоток и огляделся. Уимен и Нора Кент, стенографистка, стояли рядышком у незажженного камина и, судя по их виду, беседовали о делах. Неподалеку от них в огромном мягком кресле развалилась Трелла. Она взирала снизу вверх на мужчину, который пристроился на ручке ее кресла.

– Вы знакомы с моей мачехой? – поинтересовалась Лоис.

Я сказал, что с мачехой знаком, но мужчину рядом с ней не знаю, и она пояснила, что это Корей Брайэм. Хотела добавить что-то еще, но передумала. Я удивился, что мистер Брайэм здесь, – ведь у меня было записано, что он помешал сделке. Правда, гостей приглашала Трелла. А может, это была идея самого Джарелла, который заранее был уверен в том, что заполучит меня в свой дом, вот и решил сразу же свести меня с этим человеком. Издали я не углядел в нем ничего примечательного.

Наклонившийся над Треллой с хорошо отработанной улыбкой, он казался типичным светским фатом в годах с миллионом долларов в кармане. Такой может сунуть две десятки метрдотелю и будет торговаться с таксистом из-за нескольких центов. Я внимательно разглядывал Брайэма, подшивая свои наблюдения к неоконченному делу, когда он поднял голову и повернул ее влево. Я повернул свою в ту же самую сторону.

В комнату вошла змея.

Глава третья

Похоже, так и было задумано: отложить выход до тех пор, когда соберутся все. Но могло оказаться, что невестка Джарелла не переносит сборищ, даже семейных, поэтому она тянула до последней минуты, потом же, собравшись с силами, решила появиться как можно незаметнее. Я приберег свое мнение, поскольку у меня не было никаких предубеждений, точнее, были два, друг друга уравновешивавшие. «Змеиная» теория была привлекательна тем, что от ее подтверждения зависел наш гонорар. С другой стороны, мне не нравился наш клиент, и я бы не возражал, если бы он остался с носом. Поэтому я был далек от каких бы то ни было выводов, когда следил за тем, как миссис Уимен Джарелл приближается к камину, возле которого ее муж беседовал с Норой Кент. В ее походке не было ничего от рептилии. Скорее можно было сказать, что эта невысокого роста хрупкая женщина с небольшим продолговатым лицом скользит по полу, но уж никак не ползет. Муж поцеловал ее в щеку и направился к бару, очевидно, затем, чтобы принести ей выпить.

Трелла окликнула меня по имени: «Ален!», давая тем самым понять, что она запросто общается с секретарями. Я подошел к ней и был представлен Корей Брайэму. Трелла похлопала по свободной ручке кресла, веля мне туда сесть. Я послушался, решив, что тут безопаснее, чем в студии. Брайэм встал и отошел. Она напомнила, что я не ответил на ее вопрос относительно бараньей ноги.

Возможно, дамочка просто интересовалась, довольны ли служащие ее мужа питанием, однако ее голос звучал вкрадчиво. Конечно, я знаю о женщинах вовсе не так много, как полагает Вульф, но вкрадчивые нотки слышать умею.

Оказывая подобающие ей по рангу хозяйки дома и жены моего босса знаки внимания, я искоса наблюдал за одним феноменом. Когда Уимен с бокалом в руке подошел к Сьюзен, возле нее уже стоял Роджер Фут. Туда же направился и Корей Брайэм, а через пару минут возле нее был и Герман Дитц. Итак, четверо из шести мужчин оказались возле Сьюзен, но она, похоже, ни пальцем не повела, ни глазом не моргнула, чтобы собрать их возле себя. Джарелл все стоял возле стойки с рыжеволосой женой Дитца. Лоис с Норой Кент вышли на балкон.

Трелла перехватила мой взгляд.

– Чтобы оценить ее, нужно подойти поближе, – сказала она. – На расстоянии она не смотрится.

– Она? Вы про кого?

Трелла похлопала меня по руке.

– Ну-ну. Я не возражаю. Я к этому привыкла. Она ведь жена моего пасынка. Подите присоединитесь к беседе.

– Кажется, там и без меня хватает народу. К тому же мы незнакомы.

– Незнакомы? Это никуда не годится. – Трелла обернулась и пропела: – Сьюзен! Подика сюда.

Та немедленно повиновалась. Кольцо мужчин раздвинулось, чтобы дать ей дорогу.

– Да, Трелла?

– Я хочу представить тебе мистера Алена Грина, который занял место Джима. Он уже знаком со всеми, кроме тебя, и это, по-моему, несправедливо.

Я пожал протянутую руку, теплую и крепкую, которая оставалась в моей не более пятой доли секунды. В самом деле, издали лицо Сьюзен казалось непримечательным. Даже вблизи ни одна из ее черт в отдельности не останавливала на себе внимания – воспринималось ее небольшое продолговатое лицо в целом.

– Добро пожаловать в наш замок, мистер Грин, – сказала она.

Это было произнесено едва слышно, так что могло сложиться впечатление, будто она либо робка и застенчива, либо подозрительна и неискренна, – все зависело от вашего отношения к ней. У меня не было к Сьюзен никаких чувств, я и не собирался ими проникаться, пока на то не будет достаточных оснований.

Могу только сказать, что она не шипела, как кобра, и не трещала, как гремучая змея. Она бросила взгляд на Треллу, не зная, то ли ей можно идти, то ли следует остаться и поддерживать беседу. Наконец, пробормотав какую-то любезность, Сьюзен отошла.

– Думаю, это у нее в натуре или в крови, – сказала Трелла. – Со стороны, по крайней мере, ничего не заметно. Какой-то особый вид гипноза, но, судя по всему, она может им управлять. Вы ничего не почувствовали?

– Я секретарь, миссис Джарелл, а секретарям не положено чувствовать.

– Как бы не так. Джим Ибер чувствовал. Разумеется, вы еще так мало ее знаете. Хотя, быть может, у вас иммунитет...

Трелла рассказывала мне про книгу о гипнозе, когда вошел Стек и объявил, что обед подан.

Нас было неравное количество – пять женщин и шесть мужчин, поэтому меня посадили между Лоис и Роджером Футом. Кое-что мне показалось не совсем обычным. Например, то, что стенографистка не только ела за одним столом со всеми, но даже сидела рядом с самим Джареллом. Экономка, миссис Лэтем, помогала прислуживать. Я всегда считал, что экономка выше этого. Роджер Фут, который уже успел изрядно набраться, ел жадно, точно водитель грузовика или бедняк. Разговоры велись самые разнообразные, в основном между соседями. Баранья нога оказалась приготовлена первоклассно, разумеется, хуже, чем у Фрица, но все-таки здорово. Я заметил, что Трелла нет-нет да и посматривала в мою сторону. Салат показался мне слишком водянистым. Я небольшой знаток вин, однако сомневаюсь, чтобы поданное вино заслуживало той похвалы, которой удостоил его Герман Дитц.

Когда мы проходили под мавританской аркой, вернее, под аркой, в которой было что-то мавританское, направляясь в гостиную пить кофе, Трелла спросила, играю ли я в бридж.

– Только не сегодня вечером, – сказал Джарелл, слышавший ее вопрос. – Он мне нужен. Тебе уже хватает партнеров.

– Тогда оставь Нору. Ты ведь знаешь, что Сьюзен не играет.

– Нора мне не нужна. Можешь взять ее себе.

После кофе собрались партнеры, и Стек сдвинул столы. Я следил за Сьюзен, скроется ли она в свою нору, но она не собиралась этого делать.

Когда мы с Джареллом уходили, она была на балконе.

Он повел меня через приемную, устланную персидским ковром размером в два раза больше моей комнаты. (У меня дома тоже есть персидский ковер, который я приобрел на собственные деньги, – восемь футов четыре дюйма на тридцать два дюйма.) Мы дважды сворачивали за угол, пока наконец не оказались у двери в библиотеку. Достав из кармана связку ключей, Джарелл отцепил один, повернул его в замке и распахнул дверь. Нас озарило вспышкой света, такой неожиданной и яркой, что я зажмурил глаза.

Джарелл рассмеялся.

– Моя выдумка. Видите эти часы? – Он указал на потолок над дверью. – Как только сюда кто-то входит, его тотчас снимают на пленку, а часы засекают время. Но это не все. Сигнал поступает по внутренней системе в «Агентство охраны Хорланда», всего в трех кварталах отсюда. Их человек сразу же увидел нас, когда мы вошли. На моем столе установлен выключатель, и, входя сюда, мы отключаем систему. Нора или я. Точно такие же устройства я повесил у входа в квартиру, черного и парадного. Кстати, я дам вам ключи. С такой системой от них все равно никакого толку. Я даже думаю, что Джим Ибер сделал себе дубликаты. Черт с ним. Ну, что скажете?

– Очень ловко. Дорого, но оно того стоит. Кстати, если у «Хорланда» видели, как я входил сюда, меня могли узнать. Они почти все знают меня в лицо. Это имеет значение?

– Не думаю. – Джарелл включил свет и прошел к своему столу. – Я им позвоню. Черт побери, мне следовало войти первым и отключить систему. Садитесь. Хотите сигару?

Как раз сигара, которую он курил в гостиной после обеда, призвала меня к осмотрительности. Сам я сигар не курю, но тем не менее признаю, что самый лучший аромат исходит от кончика первосортной «гаваны». Когда передо мной очутилась коробка, я увидел, что это были «портанагос». Но мне не нравился душок от сигары Джарелла, и я по мере возможности старался его не вдыхать.

Это был плохой признак. Если вам становится противен запах «портанагос» только из-за того, что их курит ваш клиент, берегитесь, как бы у вас не создалось о нем предвзятого мнения. Это неэтично.

Он откинулся на спинку кресла, выпустил изо рта облако дыма и поинтересовался:

– Ну, каковы ваши впечатления?

Я принял задумчивый вид.

– Их немного. С вашей невесткой я перекинулся всего несколькими словами. Что касается вашего указания заставлять других говорить о ней, то у меня для этого не было возможностей. И не будет, пока они играют в карты. Мне кажется, хорошо было бы взяться за Корея Брайэма.

Джарелл кивнул.

– Вы заметили, что произошло перед обедом?

– Разумеется. А также следует взяться за Фута с Дитцем, не говоря уже о вашем сыне. Ваша супруга считает, что эта женщина их гипнотизирует.

– Вы не можете знать того, что считает моя супруга. Ее слова отнюдь не всегда совпадают с ее мыслями. Значит, вы беседовали с Треллой о моей невестке?

– Мимоходом. Не знаю, предоставится ли мне возможность поговорить о ней подробно с кем-нибудь из ваших домашних. Как ваш секретарь, я должен буду целыми днями сидеть здесь с вами и мисс Кент, а остальные тем временем будут играть в бридж.

– Верно подмечено. – Он стряхнул пепел с сигары в пепельницу. – Завтра вам не придется здесь сидеть. Утром я улетаю в Толедо, когда вернусь – не знаю. Без меня секретарю практически нечего делать. Нора в курсе всех моих дел, я предупрежу ее, чтоб она вас не трогала до моего возвращения. Я уже говорил, что все эти подлецы, в том числе и моя дочь, знают о моей невестке то, чего не знаю я. И Нора тоже. – Джарелл сверлил меня взглядом. – Все зависит от вас. Даже моя жена может сообщить вам что-нибудь полезное. Вы танцуете?

– Да.

– Лоис любит потанцевать, но она разборчива в партнерах. Сводите ее вечером куда-нибудь. Роджер еще не кланчил у вас взаймы?

– Нет. Мне не доводилось еще быть с ним наедине.

– Для него это вовсе не обязательно. Когда попросит, дайте ему полсотни или сотню. Пусть у Роджера создается впечатление, что вы со мной на дружеской ноге. Купите моей жене цветы, только не дорогие, а то она поймет, что вам за это платят. Трелла любит, когда мужчины ей что-нибудь дарят. Можете пригласить ее на ланч к «Рустерману», только не забудьте оставить крупные чаевые. Для нее это принципиально.

Мне захотелось отодвинуться, чтоб быть подальше от дыма его сигары, но я запретил себе это делать.

– В личном плане у меня нет возражений против такой программы, – сказал я. – Но в профессиональном есть. Она слишком уж насыщена для секретаря. Ваши домочадцы ведь не дураки.

– Чихал я на них. Пусть думают, что им заблагорассудится. Дом мой, и деньги мои, так что проглотят все что угодно. Вот только невестка... Она вертит моим сыном как хочет, отдаляет его от меня, суется в мои дела. У меня есть к вам предложение. В тот день, когда она вылетает из этого дома, одна, без моего сына, вы получаете десять тысяч долларов наличными, это сверх гонорара Ниро Вульфу. В тот день, когда состоится развод, вы получите пятьдесят тысяч долларов. Лично вы. Плюс оплата всех накладных расходов.

Я уже говорил, что ни один мужчина не способен так круто переменить тему разговора, как это умеет женщина, однако приходилось признать, что Джарелл этой способностью обладает. Еще признаюсь, что почувствовал себя польщенным. Ясное дело, к Вульфу он обратился лишь затем, чтобы заполучить меня, затащить к себе в библиотеку и предложить шестьдесят тысяч за то, чтобы я сфабриковал обвинение против его невестки, которая, возможно, вовсе даже и не змея. Если она в самом деле змея, его стремление избавиться от нее было бы вполне обоснованным и он мог бы предоставить заниматься этим Вульфу, а мне дать возможность отработать свое обычное жалованье.

Разумеется, все это было очень легко.

– Заманчиво звучит, – кивнул я. – Только есть во всем этом одно «но». Я работаю на Ниро Вульфа. И платит мне он.

– Вы так и будете на него работать. Я всего лишь хочу, чтобы вы сделали то, ради чего я его нанял. Он свой гонорар получит.

Мой интеллект был оскорблен. Джареллу не следовало выражаться столь откровенно. Мне захотелось расправить плечи, задрать подбородок и сказать ему, чтобы забирал свое грязное золото и убирался ко всем чертям. Это был самый простой выход, однако кое-что мешало мне это сделать. Во-первых, вполне возможно, Сьюзен и в самом деле змея, так что никаких обвинений фабриковать не потребуется. Во-вторых, если она не змея, а Джарелл задумал ее оклеветать, ей следует знать об этом. В-третьих, он все еще считается клиентом Вульфа. В сейфе у Вульфа лежит его аванс в десять тысяч долларов, и не мне им распоряжаться. И уж коль мы берем эти деньги, я должен сполна удовлетворить свое любопытство.

Я притворился, будто мне неловко.

– По-моему, мне следует доложить о вашем предложении мистеру Вульфу. Чтобы обезопасить себя.

– От чего?

– Ну... хотя бы на случай того, что вы проговоритесь во сне.

Джарелл расхохотался.

– Вы мне нравитесь, Гудвин. Я был уверен, что мы поладим. Вы знаете свое дело, я знаю свое. Сколько вам потребуется на расходы? Пять тысяч? Десять?

– Пока ничего не надо. Подсчитаем после. Итак, мистер Джарелл, ваше предложение я не принимаю. Если бы я и был склонен его принять, я сказал бы вам об этом в таком месте, где нас наверняка не подслушивают. Не исключено, что нас могли слышать у «Хорланда».

– А вы, однако, осторожны.

– Просто я не хочу, чтобы мне намылили шею. Итак, вы желаете, чтобы я действовал согласно вашей программе?

– Разумеется. Мне кажется, Гудвин, мы друг друга пойдем. И не забывайте о следующем: я не задумываясь выложу миллион долларов наличными за то, чтобы навсегда избавиться от этой женщины. Более того, посчитаю это выгодной сделкой. Но это вовсе не значит, что меня можно обвести вокруг пальца. Я плачу за то, что у меня в руках. Если вы с кем-то вступаете в соглашение, я должен быть поставлен в известность – с кем, с какой целью и сколько это стоит.

– Вас поставят в известность. Еще какие-нибудь предложения?

Их больше не было, существенных, по крайней мере. Даже после весьма недвусмысленного предложения сфабриковать обвинение Джарелл все еще считал (или притворялся, будто считает), что я могу кое-что узнать, обрабатывая его домочадцев. Я удивился, что он больше не вернулся к моему замечанию о том, что мне придется доложить Вульффу о нашем разговоре. Определенно он считал мое согласие работать одновременно на двух хозяев само собой разумеющимся, если при этом хорошо платят. Этот человек не сомневался, что мы друг друга поняли, но лично я в этом убежден не был. Я ни в чем не был убежден.

Прежде чем отпустить меня, Джарелл дал мне два ключа: один от входной двери, другой – от библиотеки. Он сказал, что ему нужно позвонить, а я сказал, что хочу прогуляться. Он заметил, что я могу воспользоваться либо этим телефоном, либо тем, который у меня в комнате. Я же пояснил ему, что всегда гуляю перед сном. Может быть, теперь мы наконец поняли друг друга.

Я прошел в передний холл, спустился в лифте вниз, кивнул привратнику (это был уже другой), зашагал в сторону Мэдисон-авеню и, отыскав телефонную будку, набрал нужный номер.

– Резиденция Ниро Вульфа. У телефона Орвил Кетер, – раздалось у меня в ухе.

Я оторопел. Понадобилась целая секунда, чтобы я смог прийти в себя.

– Вас беспокоят из городского морга, – загнусавил я. – К нам поступил труп молодого человека с классическим греческим профилем. Он прыгнул с Бруклинского моста. Согласно документам, обнаруженным у него в бумажнике, его звали Арчи Гудвин и он проживал...

– Швырните его назад в реку, – распорядился Орри. – Какой прок от него мертвого? И от живого-то особо не было.

– Ладно же, – сказал я, но уже нормальным голосом. – По крайней мере, мне теперь все про тебя известно. Могу я удостоиться чести поговорить с мистером Вульффом?

– Сейчас узнаем. Он читает книгу. Подожди у телефона.

Через минуту в трубке буркнули:

– Да.

– Я вышел пройтись и нахожусь в телефонной будке. Докладываю: кровать удобная, питание сносное. Я перезнакомился со всем семейством и симпатий ни к кому не испытываю, за исключением дочери Лоис. Она как-то застрелила белку и написала об этом стихотворение. Рад, что вы прибегли к услугам Орри. Можете с сегодняшнего дня приостановить мне выплату жалованья. Джарелл посулил шестьдесят тысяч, помимо расходов, лично мне, если я соберу улики против его невестки, чтоб выдворить ее из дома. Мне кажется, идея состоит в том, что эти улики должны быть сфабрикованы, однако само это слово не произносилось. На все про все у меня уйдет двенадцать недель, получается по пять тысяч в неделю, так что жалованье мне ни к чему. Гонорар я получу наличными, налогов платить не придется. А потом, скорее всего, женюсь на Лоис. Между прочим, вы тоже получите свое вознаграждение.

– И сколько во всем этом трепа?

– Все факты верны. Их я и докладываю.

– Либо Джарелл дурак, либо мошенник, а может, и то и другое.

– Может, но вовсе не обязательно. Джарелл сказал, что отвалит миллион, чтобы только от нее избавиться. Похоже, у него это идея фикс. Позволю себе усомниться в данной ему вами характеристике, поскольку он ваш клиент.

– И твой тоже.

– Нет, сэр. Я его предложение не принял. Даже отказался взять деньги на расходы. Дал ему от ворот поворот, правда в весьма неопределенной манере. Джарелл считает, что я осторожничаю. Очевидно, он думает, что я собираюсь поставить садок, куда Сьюзен попадет живьем, я же оставляю за собой право думать иначе. Я думаю, она это уже усекла.

Дело в том, что эта дамочка притягивает к себе мужчин без каких бы то ни было видимых усилий со своей стороны, и это настораживает. Может, она не змея, а ангел, но ангел может оказаться опасней змеи, что скорее правило, чем исключение. Одно из двух: либо я копаю под нее, либо вы возвращаете клиенту десять тысяч и умываете руки. Ну как?

– Мистер Джарелл считает меня ослом.

– А меня дегенератом. Наша гордость уязвлена. Так или иначе, он должен за это заплатить. Я буду держать вас в курсе всех событий, если таковые будут иметь место.

– Очень хорошо.

– Пожалуйста, напомните Орри, что нижний ящик моего стола принадлежит лично мне и там нет ничего такого, что могло бы ему пригодиться.

Вульф пообещал, что напомнит, и, прежде чем повесить трубку, даже пожелал мне спокойной ночи. Я купил в киоске красивую открытку с маркой и написал на ней Фрицу: *«Прекрасно провожу время. Жаль, что со мной нет тебя. Арчи»*. Сунул открытку в почтовый ящик и вернулся на службу.

Поднявшись на лифте в холл десятого этажа, я решил открыть дверь своим ключом. Вспышки не было, и я понял, что систему еще не включили на ночь. Очутившись в прихожей, я подумал было, что эта система не столь надежна, как считает Джарелл, но тут увидел Стека, выросшего словно из-под земли.

– Мистер Джарелл дал мне ключ, – пояснил я.

– Да, сэр.

– Он дома?

– По-моему, он в библиотеке, сэр.

– В карты еще играют?

– Да, сэр.

– Если вы не заняты, от всего сердца приглашаю вас к себе в комнату перекинуться в картишки. В кункен.

Он вытаращил на меня глаза.

– Благодарю вас, сэр, только я на работе.

– Тогда как-нибудь в другой раз. Миссис Уимен Джарелл еще на балконе?

– По-моему, нет. Я думаю, она в студии.

– Это на нашем этаже?

– Да, сэр. По главному коридору, потом направо. Там, где вы днем разговаривали с миссис Джарелл.

Черт побери, откуда ему об этом известно? И подобает ли слуге посвящать меня в то, что ему об этом известно? Мне кажется, не подобает. Я подозревал, что мое приглашение сыграть у меня в комнате в кункен если не целиком разрушило барьер между нами, то, по крайней мере, сделало в нем внушительную вмятину.

Дверь студии была открыта, и из нее доносились голоса. Переступив порог, я очутился в полумраке. Свет падал лишь из коридора и от телеэкрана, на котором я увидел конференсье и девочек из программы «Выше ноги». Их голоса я и слышал из коридора. Приглядевшись, я разглядел в кресле смутный силуэт Сьюзен.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь? – спросил я.

– Нет, конечно, – едва слышно ответила она.

Я сел в кресло слева от нее.

Признаюсь, в тот вечер я не обращал никакого внимания на телеэкран, потому что чувствовал рядом Сьюзен и готовился испытывать на себе ее зловещее или же, наоборот, ангельское влияние. Но я ничего не испытывал. Только чувствовал слабый запах духов, напоминавший мне аромат, исходивший от Лили Роуэн, хотя это были совсем другие духи.

Когда началась реклама, Сьюзен потянулась к креслу справа, на котором лежал пульт дистанционного управления, и звук и изображение исчезли. Стало еще темней. Белый овал лица повернулся в мою сторону.

– Что бы вы хотели посмотреть, мистер Грин?

– Мне без разницы. Мистер Джарелл меня отпустил, остальные играют в карты. Я услышал, что здесь работает телевизор, вот и забрел на огонек. Что вы, то и я.

– А я просто убиваю время. В десять тридцать ничего интересного не бывает.

– Тогда оставим телевизор в покое. Не возражаете, если я включу свет?

– Не возражаю.

Я включил свет и вернулся на прежнее место. Теперь я видел выражение ее лица. Мне показалось, что Сьюзен силится выдавить улыбку, но это у нее плохо получается.

– Если я вам мешаю...

– Вообще нет. – Это было сказано едва слышно и не то застенчиво, не то вкрадчиво. У меня создалось впечатление, будто она что-то недоговаривает. Причем что-то очень важное. – Поскольку вы здесь поселились, хотелось бы познакомиться с вами поближе. Мне интересно, что вы собой представляете как человек. Думаю, вы могли бы рассказать мне кое-что о себе.

– Сомневаюсь. Мне самому интересно знать, что я собой представляю, но я по сей день этого не выяснил.

На ее лице забрезжила слабая улыбка.

– Ага, вы, я вижу, остроумны. Пойдем дальше. Церковь посещаете?

– Нет. А разве это обязательно?

– Не знаю, как для вас, я вас еще не раскусила. Я сама туда нечасто хожу. Да, я заметила, вы не ели за обедом салат. Вы не любите салат?

– Люблю.

– Ко всему прочему вы еще и чистосердечны. Вам не понравился наш салат. Я все собираюсь поговорить по этому поводу с мачехой моего мужа, но никак не решусь. По моему, я делаю успехи: вы остроумны, чистосердечны. Кстати, мне тоже очень хотелось бы блистать остроумием. Вы не могли бы меня этому обучить?

– Позвольте, но в вашем вопросе заключаются сразу три теоремы, требующие доказательства: первая: я остроумен, вторая: вы – нет, и третья: вы могли бы у меня научиться. Это для меня слишком сложно. Нельзя ли как-нибудь попроще?

– Виновата. Я как-то сразу не сообразила... – Сьюзен бросила взгляд на свои наручные часы. – О! Совсем забыла! – Она вскочила с кресла и теперь смотрела на меня сверху вниз. – Я должна позвонить одному человеку. Прошу прощения, если я вам надоела, мистер Грин. В следующий раз вопросы мне будете задавать вы.

Она скользнула к двери и вышла.

Я опишу вам в точности все как было. Я не осознал, что тоже вскочил со своего места, до тех самых пор, пока не очутился на полпути к двери. Тут я остановился и поклялся сам себе, что не сойти мне с этого самого места, если у меня не было ощущения, будто Сьюзен потащила меня за собой на цепочке.

Обернувшись на кресло, в котором я только что сидел, я понял, что прошел добрых десять футов, прежде чем осознал, что делаю.

Я остановился на пороге и задумался. В эту комнату я вошел с намерением хоть что-нибудь узнать о Сьюзен, а кончилось все тем, что я автоматически вскочил с места и бросился за ней, словно какая-то болонка. Но самое страшное заключалось в том, что я не мог объяснить, почему так сделал. Не скрою, я с удовольствием поддаюсь женским чарам и наслаждаюсь всем тем, что за этим следует, но я должен понимать, что со мной происхо-

дит. Я не желаю, чтобы меня дергали за ниточку, которой я не вижу. К этой же особе, помимо всего прочего, у меня был еще и чисто профессиональный интерес.

Мне вдруг захотелось пойти в библиотеку и сказать Джареллу, что он абсолютно прав и его невестка на самом деле змея. Еще сильнее захотелось отыскать Сьюзен и сказать... Не знаю что. А еще меня прямо-таки подмывало собрать свои манатки, смотаться домой и предупредить Вульфа, что мы выслеживаем ведьму и нам потребуется кол, к которому ее нужно привязать, чтобы сжечь. Но вместо этого я отыскал лестницу и отправился спать.

Глава четвертая

За сорок восемь часов моего пребывания в доме Джарелла много чего случилось, а я все топтался там же, откуда начал.

Во вторник я пригласил Треллу на ланч к «Рустерману». Предприятие было, надо сказать, немного рискованное, поскольку там меня хорошо знают, но я предупредил по телефону Феликса, что расследую одно дело под вымышленной фамилией, и попросил его передать всем остальным, чтобы они меня не узнавали.

Однако, как только мы переступили порог ресторана, я пожалел о том, что пригласил Треллу именно сюда. Естественно, все, начиная от швейцара и заканчивая самим Феликсом, знали к тому же и миссис Джарелл, поэтому я не могу вменить им в вину любопытство. Тем не менее все прошло очень хорошо, за исключением того момента, когда Бруно принес счет и положил рядом карандаш. Официант кладет карандаш лишь в том случае, когда уверен, что ваш кредит в порядке. Я умышленно оставил этот факт без внимания, надеясь, что Трелла ничего не заметила, и, когда Бруно принес сдачу с двадцати долларов, жестом дал ему понять, что он может оставить ее себе.

Во время ланча она сказала одну вещь, которую, как мне показалось, стоило приобщить к делу. Я заметил, что мне, очевидно, следует извиниться за свой опрометчивый вывод, будто Джарелл недолюбливает свою невестку, на что она ответила:

– Повод извиниться действительно есть, но вовсе не потому, что ваш вывод опрометчив, а потому, что он ошибочен. – И Трелла пояснила, что ее муж вовсе не недолюбливает Сьюзен, а, напротив, испытывает к ней слишком жаркие чувства.

– Ладно, – сказал я, – в таком случае приношу извинения за то, что перепутал. Но что это за чувства?

– Ради бога, перестаньте разыгрывать из себя невинность! Вы только вчера стали секретарем Отиса, а уже провели все утро на балконе с Лоис и пригласили меня к «Рустерману». Ничего себе – секретарь!

– Но ведь моего босса нет. Мне было велено убивать время.

– Когда муж вернется, обо всех делах ему доложит Нора, о чем вам прекрасно известно. Я не дуручка, Алэн, в самом деле не дуручка. Я была бы очень сообразительна, если бы не моя жуткая лень. Возможно, вы лучше осведомлены о делах моего мужа, чем я. Ладно. Так вот, представьте себе: она его высекла.

– Что касается моей невинности, то я, как секретарь, обязан ее разыгрывать. Что же касается моей осведомленности относительно дел вашего мужа, то я и не знал, что Сьюзен его высекла. Вы присутствовали при этом?

– При этом никто не присутствовал. Только не подумайте, будто она высекла его самым обыкновенным образом, – она этого делать не стала бы. Не знаю, как уж она это сделала, быть может одним взглядом. Взглядом она может либо испепелить, либо вселить надежду. А я и не подозревала, что женщина в состоянии испепелить Отиса взглядом, – я думала, для этого нужна раскаленная кочерга. Правда, это было до того, как я узнала Сьюзен. Она уже успела околдовать вас?

– Нет. – Я и сам не знал, лгу или говорю правду. – Я не уверен, что правильно вас понял. Если мне надлежит понимать вас в буквальном смысле, то я достаточно невинен для того, чтоб быть шокированным. Сьюзен ведь – жена его сына.

– Да. Ну и что из этого?

– Но ведь мистер Джарелл не глупец?

Трелла похлопала меня по руке.

– Похоже, я ошиблась на ваш счет. Вы твердо намерены прикидываться простачком. Ясное дело, Отис законченный придурок. Это известно каждому. Ну ладно, раз уж я вышла в свет, прошвырнусь по магазинам. Не желаете составить мне компанию?

Я поблагодарил ее за честь, но тем не менее отклонил это предложение.

Я прошел пешком кварталов тридцать, чтобы размять ноги, и размышлял по пути, позвонить Вульффу или нет. Если я доложу ему о том, что выведал у Треллы (я имею в виду насчет приставаний нашего клиента к своей невестке), Вульф тут же велит мне собрать вещи и вернуться домой, ибо семейными дрызгами он не занимается. Мне же хотелось поболтаться там еще немного, чтобы предстать перед Сьюзен еще хотя бы раз и проверить, какие отклонения происходят в ее присутствии в моих пульсе и дыхании. Если же я позвоню Вульффу и не поведаю о том, что только что узнал, мне вообще нечего будет ему сказать. Так что я решил сберечь десять центов.

Стек сказал, что миссис Уимен Джарелл дома нет, мисс Джарелл тоже. Он передал мне, что мистер Фут просил доложить ему, когда я вернусь, на что я ответил: хорошо, доложите. Решив, что мне полагается хотя бы появиться на своем рабочем месте, я повесил шляпу и плащ в стенной шкаф и направился в библиотеку. Нора Кент сидела за столом Джарелла и разговаривала по красному телефону. Я приблизился ленивой походкой к стенным шкафам и наугад открыл один. «Бумажное производство в Бразилии», – прочитал я на верхней папке, вынул ее и начал листать.

– Вы что-то ищете, мистер Грин? – раздался за моей спиной голос Норы.

Я обернулся.

– Да нет. Просто мне захотелось сделать что-нибудь полезное. Если секретарю необходимо ознакомиться со всеми этими бумагами, у меня, по-видимому, уйдет года два-три, не меньше.

– О нет, это вовсе не так уж долго. Как только вернется мистер Джарелл, мы сразу подключим вас к работе.

– Вежливый ответ. Ценю. Могли бы просто сказать: не суй свой нос куда не следует. – Я положил папку на место и закрыл шкаф. – Могу я хоть чем-нибудь быть полезен? Вам не требуется вынести мусорную корзину или сменить промокательную бумагу на пресс-папье?

– Нет, благодарю вас. Кстати, раз мистер Джарелл дал вам ключи, я не вправе запретить вам совать нос куда не следует.

– Вы правы. Беру свои слова назад. От него что-нибудь слышно?

– Да, он звонил около часа назад. Вернется завтра, скорее всего к вечеру.

В ее манерах было что-то настораживающее. Дело не в том, что стенографистке не подобает говорить в такой манере с секретарем (уж кто-кто, а я просек, что называть ее стенографисткой – все равно что Вульфа копом). Не могу вам объяснить толком, что именно меня насторожило, поскольку сам не знаю. Просто в наших отношениях что-то было не так. Я надеялся, это прояснит наш дальнейший разговор, но тут зазвонил телефон.

Нора сняла трубку черного аппарата и через секунду передала ее мне:

– Это вас. Мистер Фут.

– Привет, Роджер! – Попрошаек я называю только по имени. – Аллен у телефона.

– Вы очень плохой секретарь. Где это вы болтаетесь целый день?

– Вокруг да около. Но сейчас я на месте...

– Это я знаю. По-моему, вы играете в кункен. Не желаете разбогатеть? Старикан отсутствует, так что вы ему не требуется.

– С удовольствием. Где?

– В моей комнате. Подниметесь на верхний этаж, направо мимо вашей комнаты, первый поворот налево. Я буду вас ждать у двери.

Комната Фута оказалась побольше моей. Она целиком отражала вкусы ее хозяина. Кресла были обиты зеленой кожей, габариты одного из них вполне устроили бы самого Вульфа. К стенам были приклеены скотчем десятки фотографий лошадей, в основном цветные.

– Нет такой лошади, которая бы не поживилась из моего кармана, – сказал Роджер. – Мускулистые. Красавицы. Я продираю утром глаза, а они здесь, передо мной. Ради такого стоит проснуться. Мужчина всегда должен знать, ради чего ему начинать новый день. Верно? Я кивнул.

Я думал, мы будем играть центов по двадцать за очко или даже больше, и если Роджер выиграет, я ему заплачу, а если выиграю я, он останется мне должен. Однако мы играли по-приятельски, по центу за очко. Фут был первоклассным игроком, мог говорить о чем угодно, а сам помнил каждый снос и прикуп. Я выиграл всего девяносто два цента, и то только потому, что мне страшно везло.

Воспользовавшись тем, что он рассказал какой-то анекдот, я бросил как бы мимоходом:

– Это мне напоминает одно услышанное сегодня замечание. Кстати, что вы думаете о человеке, который пристаёт к жене собственного сына?

Роджер как раз раздавал карты. Его рука на секунду застыла в воздухе.

– И от кого вы это слышали?

– Так я вам и сказал. Эта была конфиденциальная беседа.

– Имена назывались?

– Разумеется.

– Вас зовут Альфред?

– Ален.

– Я забываю имена людей, но лошадей никогда. Вот что я скажу вам, Ален. Что касается отношения моего зятя к деньгам и к брату своей жены, то есть ко мне, то я могу дать вам на этот счет любые сведения. Во всем остальном я не авторитет. Не удивлюсь, если кто-то имеет на Отиса зуб. И горевать по этому поводу тоже особо не стану. Поехали.

Из этого высказывания вряд ли можно было что-то извлечь.

В шесть часов я сказал, что мне нужно принять душ и переодеться перед свиданием с Лоис. Фут быстро и точно подсчитал мой выигрыш и протянул мне для проверки листок.

– В настоящий момент я не располагаю девяноста двумя центами, – сказал он, – но они могут превратиться в девяносто два доллара, а то и больше. В четверг на «Ямайке» Персик выиграет в пятом забеге при ставках восемь к одному. Из шестидесяти долларов сорок я могу поставить на него. На руки получу триста двадцать, из них половина ваши. Плюс девяносто два цента.

Я сказал, что это звучит заманчиво и что я дам ему ответ завтра. Я знал, что, получив деньги, Роджер тут же исчезнет, а этого я не хотел.

Утром на балконе я пригласил Лоис сегодня вечером вместе пообедать и потанцевать. Я тогда предложил «Фламинго», но, судя по тому, что произошло днем у «Рустермана», туда идти не следовало. Я спросил у Лоис, не будет ли она возражать, если мы двинем в «Колонн», где подвизается хороший оркестр (и где меня никто не знает, по крайней мере по фамилии). Девушка на секунду задумалась, но потом сказала, что это очень даже забавно, потому что она там никогда не была.

Джарелл предупредил меня, что Лоис разборчива в партнерах, и, надо сказать, она имела на это полное право. Она чувствовала ритм всем телом и во всем была послушна партнеру. Для того чтобы не ударить перед ней лицом в грязь, я полностью отключился и думал лишь о своих руках и ногах, так что, когда наступила полночь, а вместе с ней подошло время выпить шампанского, я ни на шаг не продвинулся в том, что задумал. Подняв бокал с шампанским, Лоис провозгласила:

– За жизнь и смерть! – И залпом его осушила. Поставив бокал на столик, добавила: – Если бы смерть спала.

– Присоединяюсь к вашему тосту, – сказал я, ставя свой пустой бокал рядом с ее. – Если только правильно вас понял. Что означает сия фраза?

– Толком не знаю, хотя сочинила ее сама. Это из моего стихотворения. Вот последние пять строчек:

Иль грызун бы высоко скакал,
Свободный и быстрый, с ветки на ветку,
Иль девчонка бы горьких рыданий обрушила шквал,
Проклиная безносую нашу соседку,
О, если бы смерть спала!

– Мне нравится, как это звучит, – сказал я. – Но, кажется, я не улавливаю смысла.

– Я его тоже не улавливаю, вот почему и решила, что это настоящая поэзия. Сьюзен говорит, будто ей здесь все понятно. Может, правда, она притворяется. На ее взгляд, здесь только одно неверно: вместо «горькие рыдания», говорит она, должны быть «сладкие рыдания». Мне не нравится. А вам?

– «Горькие» лучше. Сьюзен любит стихи?

– Не знаю. Ее я понимаю так же мало, как и это стихотворение. Я думаю, Сьюзен больше всего любит саму себя. Правда, она моя золовка, ее спальня больше моей, к тому же я обожаю своего брата, когда мы с ним не в ссоре, так что я, возможно, просто к ней придираюсь. Одним словом, я должна все проанализировать.

– Стоило бы, – кивнул я. – Вчера вечером вокруг Сьюзен собрались все мужчины, кроме вашего отца. Наверное, он ее просто не заметил.

– Кто-кто, а он-то заметил. Вы знаете, кто такой сатир?

– Более или менее представляю.

– Загляните в словарь. Я уже это сделала. Я не могу сказать, что мой отец сатир, потому что у него уйма времени уходит на процесс дальнейшего обогащения. По-моему, он просто обычный кот. Что это там заиграли? Мокаджубу?

Она была права. Я встал, обошел вокруг стола и отодвинул ее стул.

Нужно отдать должное среде, которая оказалась более продуктивной, чем вторник, но не подумайте, будто я чего-то достиг в среду. Я просто слегка расширил круг своих знакомств. Вернувшись во вторник около двух часов ночи и проведя в постели свой восьмичасовой минимум, я спустился вниз в полной уверенности, что позавтракать теперь будет не так-то просто. Однако буквально через полминуты после того, как я вошел в столовую, я увидел спешащего в мою сторону Стека со стаканом апельсинового сока в руке. Я сказал ему, что протяну на соке и кофе до ланча, но не тут-то было. Через десять минут он притащил тосты, бекон, омлет из трех яиц, варенье двух сортов и чашку кофе. Расправившись со всем этим в обществе утренней «Таймс», я двинул в библиотеку, где проболтался минут тридцать, но так и не успел побеседовать с Норой Кент. Нет, она тоже была там, но у нее все время находились какие-то дела, а может, она их себе придумывала. Одним словом, я сдался и покинул библиотеку. Она сообщила, что Джарелл прилетает в аэропорт Ла Гуардия в пятнадцать ноль пять.

Проходя мимо студии, я обнаружил, что мои часы показывают одиннадцать пятьдесят шесть, так что у меня была возможность послушать двенадцатичасовую сводку новостей. Дверь была закрыта. Я открыл ее и, переступив порог, замер на месте. В студии кто-то был.

Я увидел в кресле Сьюзен, напротив нее стоял незнакомый мужчина в темно-сером костюме. В профиль его подбородок выглядел решительным. Вероятно, он был очень погружен в свои мысли, потому что никак не прореагировал на мое появление.

– Прошу прощения. Я просто прогуливаюсь, – поспешил сказать я и собрался ретироваться, но меня остановил голос Сьюзен:

– Подождите, мистер Грин. Это Джим Ибер. Джим, это Алэн Грин. Я вам о нем рассказывала.

Мой предшественник все еще был поглощен своими мыслями, но тем не менее протянул мне руку. Я обнаружил, что у него дряблая мускулатура.

– Я зашел повидать мистера Джарелла, а его не оказалось, – заговорил он будто через силу. – Так, по поводу одного пустяка. Как вам работается?

– Был бы в восторге, если бы и впредь все шло так, как в эти первые два дня. Не знаю, что будет, когда вернется мистер Джарелл. Может, просветите меня немного на этот счет?

– Просветить?

Могло показаться, будто он впервые слышит это слово. Определенно, его мучили проблемы, далекие от прежней работы, иначе я бы его заинтересовал.

– Что ж, как-нибудь в другой раз, – сдался я. – Прошу прощения за то, что прервал вашу беседу.

– Я как раз собирался уходить, – заявил Джим Ибер и, высоко задрав подбородок, прошагал мимо меня к двери.

– О господи, – вырвалось у Сьюзен.

– Быть может, я смогу быть чем-нибудь полезен? – осведомился я.

– Нет, благодарю вас. – Она покачала головой и встала. – Вы не возражаете, если я... Мне нужно кое-что обдумать.

Уходя, Ибер закрыл за собой дверь, и я поспешил открыть ее перед Сьюзен. Она направилась в сторону задней лестницы, завернула за угол, и вскоре загудел лифт. Убедившись в том, что она не пошла вдогонку за Ибером, я включил радио и прослушал конец сводки новостей.

Следующее заслуживающее внимания событие произошло в ту же среду шесть часов спустя, и хотя, как я уже сказал, не продвинуло меня ни на шаг вперед, оно придало всей ситуации совершенно иную окраску. Но, прежде чем рассказать о нем, я должен упомянуть о своей короткой беседе с Уименом. Я листал в гостиной журнал, когда туда вошел он, прошествовал на балкон, но тут же вернулся и подошел ко мне.

– Не похоже, чтобы вы переутомились, не так ли? – заметил Уимен.

Это можно произнести по-разному, начиная от издевки и кончая дружеской шуткой. В его устах это прозвучало как нечто среднее. Конечно, я мог ответить: «Вы тоже не надрыгаетесь», но не стал этого делать. Он был слишком худ и жалок для того, чтобы служить хорошей мишенью для насмешек, плюс ко всему считал себя занудой. Я знал, что Уимен – продюсер двух бродвейских шоу, одно из которых прекратило свое существование через три дня после премьеры, а другое продолжалось почти месяц. К тому же его отец сказал мне, что, хотя Уимен и отравлен змеиным ядом, он все еще не потерял надежду обучить его искусству делать деньги.

Поэтому я ответил:

– Угу.

Складка на его переносице стала еще глубже.

– А вы не больно-то разговорчивы.

– Вот тут вы ошибаетесь. Стоит мне только начать, и я заговорю вас до смерти. Ну, поехали. Час назад я зашел в студию послушать сводку новостей, там был какой-то тип, который разговаривал о чем-то с вашей женой, и она мне его представила. Оказалось, что

это Джим Ибер. Меня интересует вот что: не хочет ли он получить свое место назад, и если да, то удастся ему это или нет? Я ушел с хорошего места, так что мне не хотелось бы ставить под угрозу свое будущее. Я не стал спрашивать об этом у вашей жены, но я был бы очень вам признателен, если бы вы сами у нее об этом спросили и передали ответ мне.

Уимен поджал губы, но тут же спохватился и придал своему лицу обычное выражение.

– Когда это было? Час назад?

– Именно. Около полудня.

– И они говорили... гм... о работе?

– Не имею представления. Я не знал, что они там, открыл дверь и вошел. И тут мне пришло в голову, что в разговоре с вашей женой бывший секретарь мог сказать или намекнуть, что снова хочет занять это место.

– Вполне возможно.

– Вы спросите у нее?

– Спрошу. – Уимен повернулся и зашагал к выходу. – Сейчас подадут ланч. Вы составите нам компанию? – поинтересовался он на ходу.

Я ответил утвердительно.

За столом нас собралось всего пятеро: Трелла, Сьюзен, Уимен, Роджер и я, Ален. Лоис не показывалась со вчерашнего дня. Норе ланч отнесли в библиотеку. Во время трапезы Роджер предложил снова перекинуться в картишки, и я подумал, что могу с таким же успехом провести эти два часа до приезда Джарелла в его обществе. Он выиграл два доллара и пятьдесят один цент. Желая избавить партнера от неудобства снова заводить разговор о деньгах, я завел его сам, сказав, что сразу после обеда у меня будет шестьдесят долларов.

Я сидел в библиотеке с Норой, когда в пятом часу приехал Джарелл. Он влетел в комнату как вихрь, швырнул под стол портфель, бросил Норе: «Свяжите меня с Клеем» – и направился к своему столу. Меня тут будто и не было. Я рассеянно слушал телефонный разговор и наострил уши только тогда, когда Нора, перечисляя все случившееся в его отсутствие, упомянула среди прочего, что утром объявился Джим Ибер.

Он поднял голову.

– Заходил? Звонил?

– Заходил. Взял какие-то бумаги, которые оставались в его столе. Сказал, что специально пришел за ними. Вот и все. Я видела эти бумаги, что-то сугубо личное. Потом разговаривал со Сьюзен в студии. Не знаю, то ли они условились о встрече заранее, то ли это вышло случайно. С ними был мистер Грин, который видел, как Джим уходил.

Определенно, все в этом доме были обо всем осведомлены. О том, что заходил Ибер, упоминалось за ланчем, но Норы за столом не было. Конечно, ей мог сказать об этом кто угодно, в том числе Стек.

– Вы были с ними? – вцепился в меня Джарелл.

– Всего несколько секунд. Я хотел послушать по радио новости и зашел в студию. Ваша невестка нас представила. Вот, собственно, и все. Он тут же объявил, что уходит. И ушел.

Джарелл хотел было что-то сказать, но, очевидно, передумал. Вопросы, которые он мог задать Арчи Гудвину, не подобало задавать Алену Грину в присутствии стенографистки. Он обратился к Норе:

– Что ему было нужно? Кроме бумаг?

– Он решил, что вы дома, и хотел вас повидать. Он так сказал.

Джарелл облизнул губы и бросил на меня многозначительный взгляд.

– Ладно, покажите мне почту, – велел он Норе.

Она достала из ящика почту и отдала Джареллу. Поболтавшись еще несколько минут в библиотеке, я поинтересовался у босса, нужен ли я ему, и, получив отрицательный ответ, направился к себе.

Не могу сказать с точностью до минуты, когда это случилось. Постараюсь припомнить как можно точнее. В четверть шестого я решил принять душ и побриться. Обычно эта процедура занимает у меня полчаса. Я уже надевал брюки, когда распахнулась дверь и на пороге появился Джарелл с воплем: «Скорей!» Он на ходу развернулся и устремился по коридору, выкрикивая: «Скорей!» Мне показалось, что он зовет меня на какую-то неофициальную встречу, где необязательно появляться при носках и в туфлях, потому я быстро закинул рубашку в брюки и уже на ходу застегнул «молнию». Я вывернул из-за угла в тот самый момент, когда он коснулся ручки двери, ведущей в библиотеку.

– Заперто, – констатировал Джарелл.

– А почему бы и нет? Что произошло?

– Звонили от «Хорланда». Сказали, что у них был сигнал и экран показал, как открылась дверь и туда вошел кто-то, закутанный в одеяло или плед. Они послали сюда человека. Внутри кто-то есть.

– Тогда отойдите от двери.

– В агентстве сказали, что надо подождать их человека.

– Ерунда. Я открою. – Я тут же сообразил, что мои ключи вместе со всем остальным содержимым карманов остались на туалетном столике. – Давайте ваш ключ.

Джарелл достал свою связку. Я нашел нужный ключ и вставил его в скважину.

– На нас могут напасть, – предупредил я. – Отойдите в сторону.

Он повиновался. Я спрятался за дверной косяк, повернул ключ, нажал на ручку и толкнул дверь левой ногой. Ничего не произошло.

– Оставайтесь здесь, – приказал я Джареллу и вошел в библиотеку.

Никого и ничего. Я огляделся по сторонам, заглянул под стол, за шкафы, в чулан, ванную. Тут в коридоре раздались торопливые шаги, и я, подойдя к двери, увидел подкрепление в виде атлетического сложения мужчины средних лет в серой форме. Мы не были с ним знакомы. Он тяжело дышал и сжимал в руке револьвер.

– Вольно, – командовал я. – Ложная тревога. А что там насчет одеяла или пледа?

– Это не ложная тревога, – возразил Джарелл. – Уходя, я сам включил систему, а сейчас, когда вы открыли дверь, вспышка не сработала. Ее кто-то отключил. Так что вы там видели?

Человек от «Хорланда», к которому относился этот вопрос, молчал. Он не сводил глаз с пола возле наших ног.

– Ей-богу, он самый, – пробормотал верзила, тыча пальцем в пол. – Валяется прямо на виду.

– Что такое? – не понял Джарелл.

– Да коврик. Он самый. Когда вспыхнул сигнал, я глянул на экран. Там появился этот коврик, а за ним – какой-то человек. Вот и все. Он мелькнул в сторону, а через пару секунд погас экран. Понимаете? Кто-то вошел сюда, держа перед собой коврик, отключил систему, а выходя, положил коврик на то место, откуда его взял. Вот почему я и узнал, что там никого нет, – иначе бы коврик здесь не лежал.

У охранника был такой довольный голос, будто он решил сложнейшую задачу.

Мне показалось, что его следует слегка одернуть.

– Откуда вы знаете, что это тот же самый коврик?

– Я запомнил рисунок. Квадратики и пересекающиеся линии.

– Но ведь может быть второй точно такой же.

– О... – Он распрямил плечи. – Отойдите в сторону!

– Не трудитесь, я уже проверил. Там никого нет. Включите систему, – велел я Джареллу. – А мы войдем.

Он повиновался. Я закрыл за ним дверь, а когда он крикнул, что все готово, распахнул ее, и нас ослепила вспышка света. Я захлопнул дверь, свет погас, и мы направились к столу.

– Итак, вы увидели на экране этот коврик, входивший в библиотеку. Как скоро вы сюда позвонили?

– Сразу же. Сию минуту. Но не сам, а звонил другой сотрудник по моему приказу.

– Сколько времени ушло на то, чтобы его соединили?

– Соединили моментально. Я надел китель, взял револьвер, а когда уходил, он уже разговаривал с мистером Джареллом.

– Скажем, секунд тридцать, пускай даже минута. Или две. Мистер Джарелл, вы были в своей комнате?

– Да.

– И как долго вы говорили по телефону?

– Не больше минуты.

– И тут же кинулись на место происшествия, по пути задержавшись возле моей двери?

– Совершенно верно.

– Добавим еще минуту. Получается, что мы очутились здесь через четыре минуты после того, как появился этот коврик, может, меньше, а злоумышленника и след простыл. Думаю, у него хватило времени только на то, чтоб отключить систему.

– Мы должны выяснить, кто это был, – заявил человек из «Хорланда». – По горячим следам.

У этой пичужки неплохо работали мозги. Понятно, что это сделал кто-то из домашних, но выяснить, кто именно, как и когда, было делом сугубо семейным.

Джарелл даже не потрудился сказать ему об этом. Просто он разрешил представителю охранной фирмы проделать то, что от него требовалось, а именно: отпереть дверцу металлического ящика, вмонтированного в стену напротив входа, в которой было круглое отверстие для объектива. Внутри находился фотоаппарат. Человек из «Хорланда» достал его, сменил пленку, запер дверцу и удалился.

– Возможно, мы узнаем больше, когда получим снимки, – заявил Джарелл. – Но с этим ковриком, который она могла держать перед собой на вытянутых руках, да так, чтобы и рук видно не было, чтоб вообще закрыть обзор, мы вряд ли что-либо разглядим.

– Совершенно верно, – кивнул я. – И она могла, и кто-то другой мог с тем же успехом. Сюда подходит любое личное местоимение. Как я уже сказал, времени хватило лишь на то, чтобы отключить систему. Но тем не менее проверьте, не исчезло ли что-либо еще.

Джарелл огляделся по сторонам, встал, потрогал ручки сейфов, проверил, заперты ли шкафчики. Потом выдвинул верхний ящик стола Норы Кент, вернулся к своему столу и там тоже выдвинул ящик. Его физиономия вытянулась. Он вытащил ящик до конца, покопался в нем, рывком задвинул его и уставился на меня.

– Я держу здесь револьвер «боудоин» тридцать восьмого калибра. Его нет. Днем он был.

– Револьвер заряжен?

– Да.

– Тот, кто взял его, знал, где вы его держите. Он – прошу прощения, она – подошла прямо к столу, отключила систему, схватила револьвер и выскочила. На большее у нее не оставалось времени.

– Да.

– Человек от «Хорланда» прав в одном: если вы на самом деле хотите узнать, кто это был, надо действовать по горячим следам. Самый лучший способ – собрать их всех здесь сию минуту и потребовать ответа.

– Какой от этого толк? – Джарелл стиснул кулаки. – Я-то знаю, чьих это рук дело.

– Закон гласит, что, если украдено оружие, об этом следует немедленно сообщить властям. В противном случае вы совершаете уголовно наказуемое деяние. Итак, сообщим властям?

– Господи, нет, конечно же. – Он разжал кулаки. – Давайте поступим следующим образом: я заманиваю ее и Уимена сюда, держу их здесь какое-то время, а вы тем временем обыскиваете ее комнату. Надеюсь, вам известно, как делается обыск?

– Не пойдет. Если даже допустить, что револьвер взяла ваша невестка, в ее комнате вы его ни за что не найдете. Я мог бы, конечно, отыскать оружие дня за два, но что, если оно окажется в одной из кадок на балконе? Вы получите его назад, но разве вам это нужно?

– Черт побери, вы прекрасно знаете, что мне нужно.

– Да, но сейчас дело уже не только в этом. Тот, кто рискнул добыть этот револьвер, должен, прошу прощения, иметь намерение им воспользоваться. Уж наверное, злоумышленник взял оружие не для того, чтобы застрелить белку. Не исключено, что готовится покушение на вас. Пока я состою вашим секретарем, постараюсь этого не допустить. А вам советую собрать всех здесь и задать им несколько вопросов. Еще лучше – собрать их у мистера Вульфа, и пусть вопросы задает он.

– Нет.

– В таком случае что мы предпримем?

– Не знаю. Мне надо подумать. – Джарелл взглянул на свои часы. – Все теперь собрались в гостиной. Я подумаю. – Он встал.

– О'кей. – Я тоже встал. – Мне лучше не появляться там босиком. Поднимусь к себе и надену носки и ботинки.

Итак, отныне дело принимало иную окраску.

Глава пятая

Когда в четверг в шесть вечера Ниро Вульф спустился из оранжереи, я уже дожидался его в кабинете. Проворчав по дороге к столу какое-то приветствие, если это можно было назвать приветствием, Вульф опустил в кресло свою тушу, принял подобающую позу, положил локти на подлокотники и устремил взор на меня.

– Ну?

– Как я уже сообщил вам по телефону, я вовсе не прошу вас напрягать мозги, если вам этого не хочется. На худой конец, я мог бы проболтаться там все лето, тем более что вы и без меня прекрасно обходитесь, имея под рукой такого помощника, как Орри. Просто мне не хочется, чтобы у вас под носом застрелили клиента. Вот я и решил предупредить вас о такой возможности. Кстати, где Орри?

– Вышел. А кто собирается застрелить мистера Джарелла?

– Не знаю. Даже не уверен, что мишенью может оказаться именно он. Хотите, чтоб я отчитался?

– Валяй.

Я вкратце изложил ему, с кем встречался и что узнал до восемнадцати пятнадцати в среду, когда Джарелл влетел в мою комнату с криком: «Скорей!» С этого момента я повел более подробный рассказ. Дословно пересказал свой разговор с Джареллом после ухода представителя «Хорланда».

Вульф хмыкнул:

– Мистер Джарелл осел. Каждый из этих людей лишь выигрывает в случае его смерти. И злоумышленника необходимо разоблачить. Ему следовало согнать их всех в одно место и вызвать полицейских, чтобы произвели обыск.

– Мистер Джарелл уверен, что револьвер взяла его невестка. Или же просто притворяется, что уверен. Не исключено, что он мог сам разыграть эту комедию с ковриком: ответил на звонок из охранного агентства, находясь в библиотеке, а затем помчался вверх за мной и рысью вернулся назад. Предпочитаю, чтобы все оказалось именно так, поскольку тогда, как мне кажется, стрельбы не будет. Но, честно говоря, я не слишком полагаюсь на эту версию. Он не простачок.

– Что произошло потом?

– Фактически ничего. После обеда мы играли в бридж за двумя столиками: Трелла, Лоис, Нора, Джарелл, Уимен, Роджер Фут, Корей Брайэм и я. Между прочим, когда я перед самым обедом спустился в гостиную, там был Брайэм. Я узнал от Стека, что он пришел рано, вскоре после шести, поэтому допускаю, что оружие мог взять и он. Мы разошлись около полуночи и...

– Ты забыл о его невестке.

– Разве я не говорил вам, что она не играет в бридж? Так вот, говорю: она в эту игру не играет. Сегодня утром за завтраком я видел четверых из них: Джарелла, Уимена, Лоис и Нору, а потом за ланчем – Сьюзен и Треллу. Джарелл сообщил за ланчем, что его не будет целый день: какие-то деловые встречи. В половине третьего я занялся поисками честной компании, но все куда-то разошлись. Разумеется, Роджер отправился на скачки в «Ямайка-парк», прихватив с собой шестьдесят долларов, которыми я его снабдил. Кстати, я еще не занес их в графу расходов. В три я вышел пройтись и позвонил вам, а когда вернулся домой, еще никого не было, кроме Норы, а она... Да, совсем забыл про снимки.

– Про какие снимки?

– Про те, которые сделал этот аппарат в стене. Их принесли от «Хорланда», пока я отлучался позвонить. Они были у Норы. Она колебалась, показывать их мне или нет, но я

проявил настойчивость. Не знаю, посвятил ли ее Джарелл в это дело с ковриком. Если нет, представляю ее недоумение. Фотографий получилось три: аппарат делает по снимку каждые две секунды, пока не закроется дверь. На всех изображен крупным планом коврик, который движется прямо на камеру. Коврик этот размером два на три фута, так что за ним могли быть и высокий мужчина, и женщина небольшого роста, поднявшая его высоко над головой. Одним словом, кто угодно. Коврик чуть-чуть касается пола. Верхний край загнут внутрь, чтобы не было видно рук. Я хотел взять снимки и показать их вам, но для этого мне пришлось бы пристрелить Нору. Джарелла же еще не было дома. Всё. Указания будут?

Вульф скривил физиономию.

– Черт возьми, какие я могу дать тебе указания?

– Ну, к примеру, пригласить сегодня вечером в ресторан Лоис. Или же завтра Треллу на ланч. А то и проболтаться там до воскресенья, чтобы сопровождать Сьюзен в церковь.

– Ха. Лучше ответь вот на какой вопрос: существует ли хоть малейший шанс, что ты болтаешься там не зря?

– Один из миллиона, если вы имеете в виду, что там в ближайшее время может что-то случиться. Дайте мне срок до Дня благодарения, и я вам что-нибудь принесу. Вот только мне не дает покоя одна головоломка по имени Ибер. Джим Ибер. Он был чем-то расстроен, когда я застал их со Сьюзен в студии. Она, кстати, тоже. Уимен повесил нос, когда я сообщил ему о том, что приходил Ибер. Об этом упомянули за ланчем, и я увидел, что расстроились также Роджер и еще пара человек. Джарелл тоже разнервничался, когда Нора доложила ему о визите Ибера. А примерно через час после того, как он об этом узнал, исчез револьвер. Может, кое-что попытаться вытянуть из Ибера? А что, если он разоткровенничается? Тем более с парнем, который занял его место?

Вульф хмыкнул:

– Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из этих людей мог разоткровенничаться.

Я сказал, что тоже в этом сомневаюсь, но все-таки хотел бы ковырнуть Ибера, чем и собираюсь заняться после обеда.

Трапезу с нами разделил Орри Кетер. Я поднялся на второй этаж поздороваться со своей комнатой, а когда спустился, внизу уже был Орри. Мы успели обменяться дружескими колкостями еще до того, как Фриц объявил, что обед подан. На второе была косуля под креольским соусом. Косуля оказалась прекрасной, а креольский соус был одним из коньков Фрица. К тому же он обычно подавал его с треугольными ломтиками хлеба, поджаренными в анчоусном масле. А так как четыре часа назад Фриц узнал, что я обедаю дома, он, будучи осведомлен о моем отношении к ломтикам хлеба, обжаренным в анчоусном масле, превзошел себя. И снова пришлось отказаться от салата, потому что для него не осталось места.

Когда мы сидели в кабинете за кофе, Орри, которому сообщили, что я уйду на задание, спросил, не нуждаюсь ли я в помощи, на что я ответил:

– От души надеюсь, что нет.

Увидев, что я достаю из ящика связку ключей, Орри предположил, что мне может потребоваться охрана, и я повторил:

– От души надеюсь, что нет.

Когда же я достал из другого ящика кобуру с револьвером, Орри высказал предположение, что мне может потребоваться оруженосец, чтобы заряжать револьвер, на что я ответил, что если шести пуль окажется мало, то мне потребуется всего лишь корзина мясника, в которой меня доставят домой.

В холле старого пятиэтажного здания на Сорок девятой авеню я отыскал дощечку с табличкой «Ибер» и нажал кнопку. Никакого ответа. Я нажимал ее пять раз с перерывами, пока не сдался окончательно. Разумеется, я не собирался ждать в холле, к тому же старый мэнсо-

новский замок оказался довольно прост. Не прошло и минуты, как я уже стоял по другую сторону двери.

Если порядок расположения надписей соответствовал порядку расположения квартир, Ибер жил двумя пролетами выше. Его фамилия значилась на косяке двери напротив лестницы, рядом с ней была кнопка. Нажав ее, я услышал, как внутри заливается звонок.

Холл был темный и неуютный. К тому же в нем даже не на что было присесть. С другой стороны двери могло оказаться что-нибудь полезное, о чем куда легче узнать в отсутствие хозяина. Тут я пожалел, что не взял с собой Орри, так как при наличии охраны получить эту информацию было бы легче легкого. Но уже через три минуты я был рад, что Орри со мной не было. Ровно три минуты ушло у меня на то, чтобы решиться войти в квартиру, отпереть замок, очутиться по ту сторону двери, увидеть Ибера распростертым на полу и убедиться в том, что он мертв. Вот тут я и обрадовался, что не взял Кетера.

Ибер лежал лицом вниз, и я разглядел у него сзади в голове, чуть ниже темени, дырочку.

Когда я раздвинул волосы, мне показалось, что пуля была именно тридцать восьмого калибра. Я внимательно огляделся по сторонам. Оружия нигде не было.

В воздухе пахло порохом, но это еще ни о чем не говорило, ибо все окна оказались закрытыми и запах просто не мог выветриться.

Стоило ли мне рисковать и рыться в домашнем хламе Ибера в поисках чего-либо интересного? Может, и стоило, но при мне не было перчаток.

Жаль, конечно, что мне пришлось вытереть дверную ручку и пространство вокруг замочной скважины с наружной стороны, поскольку там могли оказаться интересные отпечатки, но иного выхода у меня не было. Мне и до этого не улыбалась перспектива болтаться в холле, теперь же она меня просто пугала. Секунды три я прислушивался к звукам в подъезде, то же самое проделал на лестничной площадке между этажами. Мне сопутствовала удача, и я вышел из подъезда, никем не замеченный.

Решив не связываться с такси в Ист-Сайде, я прошел пешком до самой Девятой авеню и только там сел в машину. К тому же мне требовалась небольшая прогулка, чтобы в голове все стало на место. Когда я поднялся с пола после осмотра дыры в затылке Джима Ибера, мои часы показывали двадцать часов двадцать семь минут. Они показывали двадцать один час двадцать восемь минут, когда такси подвезло меня к старому особняку из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице.

Войдя в кабинет, я увидел Орри, который развалился с журналом в руках в желтом кресле перед огромным глобусом. Я с удовлетворением отметил, что он целиком и полностью признает непреложный факт, что мой стол – это мой стол.

Увидев меня, Вульф уткнулся носом в страницу лежавшей перед ним книги. Я вернулся слишком скоро, поэтому от меня не ждали ничего интересного.

Я швырнул шляпу на свой стол и плюхнулся в кресло.

– Хочу сделать некоторые наблюдения о погоде. Личные. Орри не переносит, когда говорят о погоде. Верно, Орри?

– Верно. – Он встал, закрыл журнал. – Не переносу. Если разговор зайдет о чем-то таком, что меня интересует, свистни.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Вульф бросил на меня недовольный взгляд:

– Что у тебя?

– Важная статистика. Позвонив несколько раз в дверь Джима и не получив никакого ответа, я вошел в его квартиру при помощи своего ключа. Мистер Ибер лежал на полу лицом вниз с дыркой в затылке от пули, которая могла вылететь из револьвера тридцать восьмого калибра. Труп уже остывал, но еще не совсем заоченел. Я бы сказал (не для цитирования, разумеется), что он пролежал бездыханным примерно от трех до семи часов.

Как нам известно, в таком деле все зависит от обстоятельств. Расследования я не производил, поскольку мне не улыбалось там задерживаться. Похоже, никто не видел, как я входил и выходил. Вы же не отдавали распоряжений доставить его живым или мертвым?

Вульф поджал губы так, что их совсем не стало видно.

– Абсурд, – отчетливо произнес он.

– Что? То, что мистер Ибер лежит на полу в своей комнате с дыркой в черепе, вовсе не абсурд.

– Все это дело. Во-первых, тебе не следовало в него лезть.

– Может, и не следовало. Но вы сами толкнули меня на это.

– Я тебя никуда не толкал. Я чинил препятствия.

Я закинул ногу на ногу.

– Разумеется, мне следовало позвонить в участок и сообщить копам, где они могут найти кое-что интересное для себя, но я этого не сделал, решив, что вы можете иметь на это свою точку зрения.

– У меня нет никакой точки зрения, и я не собираюсь ее иметь.

– В таком случае я им позвоню. Из автомата. Хотя и говорят, что пока еще невозможно установить, с какого номера был сделан вызов, тем не менее на свете случаются чудеса. Далее, что я должен буду сделать после этого: вернуться к себе (я хочу сказать – к Джареллу), и если да, то как мне себя вести?

– Я же сказал тебе – у меня нет никакой точки зрения! Зачем тебе вообще туда возвращаться?

Я опустил ногу.

– Разумеется, вы можете спрятаться в кусты. В таком случае я появлюсь там только для того, чтобы вернуть Джареллу его десять тысяч и передать, что мы откланиваемся. Но вы сами понимаете, что теперь все обстоит не так просто. Когда полицейские установят, что Ибер служил секретарем у Джарелла и был уволен, они заявятся со своими вопросами к нашему клиенту. Если же они узнают, что Джарелл нанял вас, а вы послали меня на место Ибера, – не ворчите, знаю, вы думаете иначе, но они-то все равно решат, что именно вы меня туда послали, – нам, как вы понимаете, от них достанется. Но даже если копы об этом и не узнают, все равно перед ними стоит проблема, а именно: вчера в конце дня из стола Джарелла был похищен револьвер тридцать восьмого калибра, нам же известно, что вчера утром там был Ибер, появление которого произвело настоящий переполох в доме. Если же вдобавок ко всему прочему мы установим, что пуля, которой он был застрелен, тоже оказалась тридцать восьмого калибра, то как мы поступим: подошьем это к делу или оставим все как было?

Вульф хмыкнул.

– Это может оказаться простым совпадением. Если найдется револьвер мистера Джарелла и если установят, что Ибер был застрелен из него, тогда другое дело.

– Мы же тем временем не будем принимать это совпадение во внимание, не так ли?

– Просто не станем это разглашать.

– Значит, если я вас правильно понял, мы оставляем у себя эти десять тысяч и Джарелла в клиентах. Если выяснится, что он убийца, то, черт побери, у других юристов тоже имеются среди клиентов убийцы.

Зазвонил телефон. Я повернулся и взял трубку, заметив при этом, что Вульф тоже потянулся к аппарату на своем столе, а такое он без моего сигнала делает очень редко.

– Резиденция Ниро Вульфа. У телефона Арчи Гудвин.

– Где вас черти носят? Это Джарелл.

– Вам известно, мистер Джарелл, какой номер вы набрали? Я нахожусь с докладом у мистера Вульфа. Он, собственно, как раз дает мне инструкции относительно нашего дела.

– Я сам дам вам инструкции. Нора говорит, что вы ушли в пять тридцать. Вы отсутствуете уже четыре часа. Когда вы появитесь?

– Ну, скажем, через час.

– Я буду в библиотеке.

Он повесил трубку. Я положил свою на рычаг и выпрямился. Вульф не спускал с меня взгляда.

– Чувствую, ты разбираешься в ситуации, – проронил он.

– Да, сэр.

– Это убийство может быть, а может и не быть связано с тем делом, которое ты расследуешь по просьбе Джарелла. Не перебивай меня: хорошо, мы будем это расследовать. Иногда убийство поднимает лишь легкую рябь, но гораздо чаще – высокие волны. Разумеется, ты возвращаешься туда не затем, чтобы водить дам к «Рустерману» или таскаться с ними по танцулькам. Я ни в чем не раскаиваюсь. Допустим, мы попали в передрагу, потакая ослиному упрямству нашего клиента. Но если Ибер был убит из револьвера мистера Джарелла, что вполне вероятно, мы волей-неволей оказались в этом замешаны и должны выпутаться если не с выгодой для себя, то хотя бы без ущерба. Это наша совместная задача. В высшей степени невероятно, чтобы убийство Ибера не было связано с кем-нибудь из этого сборища хищников и паразитов. Я не могу научить тебя, как действовать, поскольку все зависит от развития событий. Ты будешь руководствоваться своим умом и опытом и по мере надобности докладывать мне обо всем. Мистер Джарелл сказал, что сам даст тебе инструкции. Ты хотя бы приблизительно догадываешься, что они собой представляют?

– Нет, не догадываюсь.

– Значит, мы не можем их предвосхитить. Будешь звонить в полицейский участок?

– Да, по пути.

– Это ускорит дело. Иначе трудно сказать, когда обнаружат тело.

Я встал.

– Если станете мне туда звонить, разговаривайте пристойно. У Джарелла на столе четыре телефона, два из них у меня под подозрением.

– Я не собираюсь туда звонить. Звони мне сам.

– Хорошо, – согласился я и вышел.

Глава шестая

Сопровождаемый холодным взглядом привратника, я миновал холл, поднялся на десятый этаж в специальном лифте и, отперев собственным ключом входную дверь, обнаружил, что электронную систему безопасности еще не включили. Разумеется, меня тут же встретил Стек и сообщил, что мистер Джарелл ожидает меня в библиотеке. Теперь я смотрел на него совсем другими глазами. Ведь этот трюк с ковриком мог проделать и он, чтобы завладеть револьвером. Правда, у Стека были свои обязанности, но он мог выкроить время и для этого.

Услышав голоса в гостиной, я заглянул туда и увидел за карточным столиком Треллу, Нору и Роджера Фута. Роджер поднял голову.

– Мы играем в пинокль. Присоединяйтесь.

– К сожалению, не могу. Я нужен мистеру Джареллу.

– Приходите, когда освободитесь. Персик прекрасно прошел забег. Прекрасно! На пять корпусов сзади на повороте и всего на голову отстал на финише. Прекрасно!

Вот уж воистину неунывающий неудачник, думал я, шагая по коридору. Нечасто встречается такой спортивный дух. «Прекрасно!»

Дверь в библиотеку была открыта. Зайдя, я прикрыл ее за собой. Джарелл, рывшийся в одном из шкафчиков, отрывисто бросил:

– Через минуту буду свободен.

Я уселся в кресло рядом с его столом. В пепельнице лежала сигара «портанагос» с наростом пепла длиной в дюйм, и я понял по запаху, что она еще не потухла. Следовательно, мистер Джарелл встал из-за стола не раньше чем полторы-две минуты назад. Вот что значит быть детективом с тренированными мозгами – сам того не желая, замечаешь все детали.

Джарелл подошел к столу, сел в кресло, стряхнул с сигары пепел и сделал две затяжки.

– Зачем вы ходите к Вульффу? – спросил он.

– Он платит мне жалованье. Он любит знать, за что он его платит. К тому же я доложил ему по телефону о пропаже вашего револьвера, и он захотел расспросить меня об этом подробнее.

– А вам обязательно было докладывать?

– Я решил, что так будет лучше. Вы его клиент, а Вульф страх как не любит, когда его клиенты погибают от пули. Так что, если бы вас пристрелили из этого револьвера, о пропаже которого я ему не доложил, он бы на меня разозлился. Кроме того, мне показалось, что он может нам кое-что подсказать.

– И он это сделал?

– Не совсем так. Мистер Вульф сделал кое-какие комментарии. В частности, он сказал, что вы осел. И что вам следовало согнать их всех вместе и позвать полицейских, чтобы те провели обыск.

– Вы, надеюсь, сказали ему, что я убежден в том, что револьвер взяла моя невестка?

– Разумеется. Но если даже оружие на самом деле взяла она и если она рассчитывает использовать его против вас, все равно это самый надежный способ. Револьвер бы вернулся на прежнее место, а она убедилась бы в том, что ваша голова не продырявлена и что в будущем тоже, скорее всего, останется целой.

Джарелл никак не прореагировал на мое замечание о продырявленной голове.

– Но ведь вы сами сказали, что револьвер вполне может очутиться в кадке на балконе!

– Я не употребил слово «вполне», но если даже и употребил, это еще ни о чем не говорит. Теперь револьвер был бы у нас в руках. Вы сказали по телефону, что хотите дать мне инструкции. Они касаются того, где найти револьвер.

– Нет. – Джарелл затянулся, вынул сигару изо рта и выпустил облако дыма. – Не помню, рассказывал ли я вам о Корее Брайэме.

– Немного. В особые подробности вы не вдавались. Сказали только, что он ваш старый друг. Нет, слово «друг» вы не употребляли, вы сказали, что Брайэм перебежал вам дорожку и что вы думаете, что к этому приложила руку ваша невестка. Я был несколько удивлен, когда увидел его здесь.

– Мне необходимо, чтобы он здесь бывал. Пусть считает, будто я поверил его объяснениям и ничего не заподозрил. Дело касалось пароходной компании. Я обнаружил, что этой компании может быть предъявлен иск, приготовился выкупить векселя и оказать на компанию нажим, но, когда приступил к этому вплотную, обнаружил, что меня опередил Брайэм. Он сказал, что узнал об этом из других источников, что ему не было известно о том, что этим занимаюсь я, но он – страшный вран. Об этом, помимо меня, не знала ни одна живая душа. А я все держал в строжайшей тайне. Брайэм получил эти сведения из моего дома – от моей невестки.

– В связи с этим напрашивается ряд вопросов, – заметил я. – Нет, я не стану спрашивать у вас, почему Сьюзен ему об этом сообщила, поскольку заранее знаю, каков будет ваш ответ. Она дарит мужчинам всё, включая... м-м... свою благосклонность, потому что такая уж уродилась. Но как ей удалось завладеть этой информацией?

– Вчера она завладела револьвером, не так ли?

– Этого ни вы, ни я не знаем. Кстати, сколько раз уже фигурировал прежде на экране этот коврик?

– Ни разу. Это что-то новое. Моя невестка знает, как получить то, что ей хочется. Она могла узнать про это от Джима Ибера или зайти в библиотеку вместе с моим сыном, когда нас с Норой здесь не было, за чем-нибудь его отослать и найти то, что ей нужно. Одному Богу известно, что она могла здесь найти. Я часто руководствуюсь секретной информацией, очень многое фиксируется на бумаге. Теперь я просто опасаюсь оставлять здесь что-либо важное. Черт побери, она должна отсюда убраться!

Джарелл схватил сигару и, обнаружив, что та погасла, швырнул ее в пепельницу.

– И вот еще на что обратите внимание. Если бы эта сделка выгорела, я бы положил в карман миллион чистой прибыли, возможно, даже больше. Значит, вместо меня деньги достались Брайэму. Разумеется, Сьюзен получила свою долю, будьте спокойны. Вот в связи с этим я и хотел дать вам инструкции. Она где-то припрятала денюжки, хорошо бы обнаружить где. Быть может, вас наведет на след Брайэм. Займитесь им. Он важный гусь, но перед моим секретарем нос задирать не станет, стоит лишь подойти к нему с нужной стороны. Есть еще один путь. Джим Ибер. Им тоже займитесь. И помните о нашей сделке – нашей с вами. Десять тысяч долларов в тот самый день, когда она отсюда вылетит, одна, без моего сына, и еще пятьдесят тысяч, когда будет оформлен развод...

Возможно, мистер Джарелл увлекся и обо всем забыл, а может, сообразил: я потом вспомню, что он советовал мне заняться Джимом Ибером уже тогда, когда Ибер был недосягаем, о чем он, выходит, в тот момент не знал.

Я напомнил ему, что любая сделка предполагает наличие двух сторон, я же его предложение не принял, но он отказался дискутировать со мной по этому поводу. Его предложение обработать Джима Ибера дало мне возможность задать несколько вопросов, касающихся его бывшего секретаря, что я и сделал. И хотя кое-какие ответы содержали полезные сведения о характере покойного, ни один из них не проливал света на самый важный факт его жизни – его смерть. Ибер прослужил у Джарелла пять лет, был холостяк, пресвитерианец (хотя в церковь ходил редко), играл по воскресеньям в гольф, ему везло за карточным столом и так далее. Попутно я узнал кое-что о Коре Брайэме.

Спал я, по обыкновению, хорошо, но проснулся ровно в семь. Я повернулся на другой бок и закрыл глаза, но это не помогло. Сон ко мне не шел. Вот досада. Меня подмывало встать, одеться, спуститься в студию и послушать восьмичасовые новости. В полицию я позвонил ровно в десять тридцать вечера и фальцетом сообщил, что им не мешало бы заглянуть в квартиру по такому-то адресу на Сорок девятой авеню, так что к настоящему моменту новость уже должна была стать достоянием журналистов. Мне так хотелось послушать их комментарии, однако во вторник я появился к завтраку в восемь двадцать пять, в среду – в девять пятнадцать, в четверг – в девять двадцать. И если я нарушу эту традицию и отправлюсь ни свет ни заря слушать радио, а потом растрезвоню всем о том, что услышал (не стану же я об этом молчать?), кому-нибудь непременно придет в голову, что это неспроста.

Пробыв положенное время под душем, я побрился, вдел запонки в рукава чистой рубашки, сделал еще кое-что, и история повторилась. Я надевал брюки, я уже почти натянул их, когда раздался стук в дверь, отнюдь не робкий.

– Кто там? – откликнулся я.

Вместо ответа дверь распахнулась, и на пороге появился Джарелл.

– Доброе утро, – приветствовал я его. – Опять вы не дождались, пока я надену туфли.

Он прикрыл за собой дверь.

– Срочное сообщение, Джим Ибер мертв. Тело найдено в его квартире. Убит. Из огнестрельного оружия.

Я уставился на него, стараясь не переигрывать.

– Когда?

– Услышал об этом по радио в восьмичасовой сводке. Они обнаружили труп вчера вечером. С пулей в затылке. Больше никаких сведений. Даже не упомянули, что Ибер служил у меня. – Джарелл направился к креслу, тому огромному, что стояло у окна, и плюхнулся в него. – Хочу обсудить это с вами.

Возле этого самого кресла я только что поставил свои туфли с чистыми носками внутри, намереваясь сесть в него и обуться. Я забрал их оттуда, сел в другое кресло, застегнул брюки и, надевая носок, сказал:

– Если копы еще не докопались до того, что он служил у вас, то сами понимаете – докопаются.

– Я это понимаю. Они могут нагрязнуть в любую минуту. Как раз насчет этого я и хотел с вами поговорить.

Я взял второй носок.

– Валяйте.

– Вам, Гудвин, известно, что такое расследование убийства. Известно лучше, чем мне.

– Да уж. Дело нешуточное.

– Вот именно. Вполне возможно, что полицейские уже кого-то заподозрили, даже, возможно, арестовали, хотя по радио об этом не сообщалось. Но если они никого не арестовали и не арестуют в ближайшее время, представляете, что начнется? Копы будут везде совать свой нос, причем как можно глубже. Ибер проработал у меня пять лет, он даже жил у меня. Им захочется узнать о нем все подробности, и в первую очередь они будут рассчитывать на информацию отсюда.

Я кивнул, завязывая шнурки:

– Да, когда дело касается убийства, наружу извлекают все секреты.

– Это мне известно. Уж лучше сразу говорить полицейским все, что спрашивают, разумеется в пределах разумного. Ведь если им покажется, будто я чего-то недоговариваю, все обернется во вред мне. Ну а если они спросят, почему я уволил Ибера, что я должен на это ответить?

Я уже обулся и мог теперь разговаривать с ним на равных. А то мне все казалось, что Джарелл вот-вот отдавит мне пальцы.

– Так и скажите: подозревали секретаря в разглашении деловых секретов.

Он покачал головой:

– Тогда копы спросят, что это за секреты и кому он их разгласил. А я вовсе не собираюсь посвящать полицейских в свои дела. Лучше скажу им, что Ибер стал рассеян, что он, как мне казалось, потерял всякий интерес к работе, вот я и решил с ним расстаться. И это не сможет опровергнуть никто из моих домашних, даже Нора. Что касается вас... Если они спросят у вас, вы можете сказать, что вам об этом известно немного, что у вас создалось впечатление, будто я был недоволен Ибером, но почему – вам неизвестно.

Я нахмурился:

– По-моему, мистер Джарелл, вы здорово перетрусили. Постарайтесь преодолеть свой страх. Инспектор Кремер и сержант Стеббинс из бригады по расследованию убийств – самые старые и самые заклятые враги мистера Вульфа, а следовательно, и мои. Как только они увидят меня и узнают, что я проживаю здесь под вымышленной фамилией, даже занял место Ибера, во все стороны полетят искры. Какую бы причину увольнения вы ни назвали, они вам все равно не поверят. Мне тоже. Никому не поверят. Больше всего им придется по душе версия, согласно которой вы решили пристрелить Ибера. Я слегка преувеличиваю, но это, по крайней мере, дает вам представление о наших взаимоотношениях в свете полицейского протокола. Так что я не могу сказать, что мне об этом известно немного.

– Ну да, конечно же, вы правы. Я как-то не сообразил... Послушайте... Гудвин, – начал Джарелл тоном заговорщика, – я хочу попросить вас не говорить ничего о том, что произошло в среду, то есть о пропаже моего револьвера. Не потому, что я опасаюсь, будто Ибера могли убить именно из него. Нет, не в том дело... Вы представляете, какой поднимется шум, если до полиции дойдет, что мой револьвер был похищен как раз накануне убийства? А если вдобавок пуля окажется того же самого калибра, все будет во сто крат хуже. Об этом не знает никто, кроме нас с вами. Даже человек от «Хорланда». Он ушел до того, как я обнаружил пропажу.

– Я сказал вам, что об этом знает мистер Вульф.

– Полицейским ни к чему вступать в контакт с Вульфом.

– Возможно, и так, однако стоит им увидеть здесь меня, и они непременно пожелают это сделать. Повторяю, мистер Джарелл, мне кажется, вы все еще не в состоянии трезво разобраться в обстановке. Вы в состоянии разобраться в одном: в собственных чувствах к своей невестке. Вы жаждете насладиться мстостью. Вы наняли для этого мистера Вульфа, заплатив ему в качестве аванса десять тысяч долларов, потом предложили еще шестьдесят мне. А что, если вам рассказать все как есть инспектору Кремеру, именно ему самому, а не Стеббинсу, не Роуклиффу и, уж конечно, не этому выскочке, помощнику окружного прокурора? Я имею в виду историю с револьвером. Кремер начнет копать и получит неоспоримые доказательства того, что Ибера застрелила Сьюзен. Ведь вы только этого и жаждете... Вы утверждаете, что револьвер взяла она. Если так, она взяла его с намерением использовать против кого-то. Почему бы не против Ибера?

– Нет, – решительно заявил Джарелл.

– Почему? Скоро вам станет известно, что Ибер был убит из револьвера тридцать восьмого калибра. Я мог бы разузнать об этом в течение часа, сразу же после завтрака. Так почему бы не рассказать обо всем Кремеру?

– Полиция не придет ко мне. Я этого не сделаю. Нет, черт побери, вы сами знаете, что я этого не сделаю. Не стану я посвящать полицию в свои личные дела. И не хочу, чтобы это делали вы либо Вульф. Теперь я и сам вижу, что моя выдумка не пройдет. Если копы обнаружат, что вы поступили на место Ибера, начнется черт знает что. Но они об этом не узнают.

Вам следует сию же минуту убраться отсюда, ибо они могут нагрянуть прямо с утра. Если полицейским захочется узнать, где мой новый секретарь, я им объясню, что он проработал всего четыре дня и ему ничего не известно об Ибере. А вы убирайтесь отсюда.

– Куда?

– Да туда, откуда пришли, черт побери. – Джералл указал рукой на дверь. – Извините меня, Гудвин. Я свихнулся, как пить дать свихнулся. Если вас здесь не будет, а я, в свою очередь, смогу оправдать ваше отсутствие, копам и в голову не придет обратиться к вам либо к Вульффу. Передайте мистеру Вульффу, что я все еще остаюсь его клиентом и что я с ним свяжусь. Он сказал, что умеет молчать. Передайте ему, что его молчание может обернуться для него целым состоянием.

Джералл вскочил с кресла.

– Это касается и вас. Я прижимистый делец, но отдавать долги умею. Давайте же, повязывайте галстук. Вещи можете оставить здесь – это не имеет значения. Заберете их потом. Мы друг друга понимаем, не так ли?

– Если даже и нет, пойдем в будущем.

– Вы нравитесь мне, Гудвин. Уходите.

Я стал собираться. Он стоял и смотрел, как я повязываю галстук, надеваю пиджак, собираю всякие мелочи и засовываю их в портфель. Заворачивая за угол в конце холла, я обернулся и увидел, что Джарелл стоит возле моей двери. Я расстроился, что не встретил ни в коридоре, ни в прихожей Стека; очевидно, у него были какие-то утренние дела.

Выйдя из парадного, я остановил такси и в четверть десятого уже поднимался по ступенькам старого особняка на Западной Тридцать пятой улице. Вульф, разумеется, был в оранжерее со своими орхидеями, как всегда по утрам, с девяти до одиннадцати.

Цепочка оказалась накинута, и мне пришлось позвонить. Дверь открыл Орри Кетер. Он протянул руку:

– Взять ваш портфель, сэр?

Я отдал ему портфель, прошел через холл и толкнул дверь на кухню. Фриц обернулся от мойки:

– Арчи! Вот радость-то! Вернулся?

– По крайней мере, к завтраку успел. Господи, как же я проголодался! Даже апельсинового сока не успел выпить. Пожалуйста, дюжину оладий.

Я осилил всего семь.

Глава седьмая

Я вошел в кабинет свежий и сытый, как раз поспев к десятичасовой сводке новостей. Сказали почти все то же самое, что слышал Джарелл два часа тому назад.

Валявшийся на кушетке Орри спросил:

– Ну и как? Я ведь круглый невежда, поэтому и приходится задавать вопросы. Тебя что интересует? Проект национального бюджета?

– Да, ведь мне его подписывать. К тому же я сейчас работаю над книгой по криминологии. Прошу прощения, я занят.

Я набрал номер «Газетт», который знал на память, попросил соединить меня с Лоном Коэном, и через минуту последний был на проводе.

– Лон? Арчи. Я соби...

– Я занят.

– Я тоже. Я собираю сведения для своей новой книги. Из чего ты застрелил Джеймса Л. Ибера? Из аркебузы?

– Нет, моя аркебуза в закладе. Я стрелял из кремневого ружья. Тебе-то что?

– Да просто любопытствовал. Если удовлетворишь мое любопытство, я в один прекрасный день удовлетворю твое. Пуля обнаружена?

Лон – замечательный парень, отменно играет в покер, но страдает профессиональной болезнью всех журналистов: прежде чем ответить на какой-либо вопрос, непременно должен задать свой. Так было и сейчас.

– Что, Вульф уже приложил руку к этому делу?

– Не руку, а ногу. Нет, это не для огласки. Если что, ты, как всегда, будешь первым. Пуля нашлась?

– Да. Об этом стало известно всего несколько минут назад. Тридцать восьмого калибра. Вот пока и все. Кто клиент Вульфа?

– Директор ФБР. Кого-нибудь арестовали?

– Нет. Господи, дай копам время посидеть спокойно и подумать! Прошло всего двенадцать часов. Услышав сейчас твой голос, я сразу же подумал вот о чем: в участок вчера вечером позвонил ты, и я на тебя в обиде. Должен был сперва позвонить мне.

– Да? В следующий раз так и сделаю. Вы с копами уже напали на какой-нибудь след?

– На след убийцы? Нет. Пока самый интересный факт из тех, что попали полиции в руки, – это то, что он всего пару недель назад работал у одного деляги, некоего Отиса Джарелла. Черт побери! Да ты ведь совсем недавно меня про него расспрашивал!

– Точно, было такое дело.

– Что, Джарелл – клиент Вульфа?

– Я же объяснил тебе, кто наш клиент. Именно поэтому я тебе и звоню. Решил, вдруг ты случайно вспомнишь, что намерен я расспрашивал тебя о мистере Джарелле, и хотел предупредить тебя, чтобы ты не слишком доверял своей памяти и на всякий случай помалкивал, пока не получишь дальнейших указаний. Валяй раскапывай свои новости и служи верой и правдой общественности. В один прекрасный день ты, вероятно, кое-что от меня услышишь.

– Заходи ко мне. Угощу ланчем.

– Извини, Лон, никак не могу. И не стреляй больше деревянными пулями.

Когда я повесил трубку, Орри спросил:

– А что такое аркебуза?

– Сам догадайся. Гибрид арки с бусами. Земноводное.

– Вот что, с меня хватит. – Он сел на кушетке. – Согласен, я не должен вмешиваться в твои так называемые дела, но имею я право знать, что такое аркебуза. Ты хочешь, чтобы я отсюда ушел?

Я сказал, что не хочу и что у меня в его присутствии согласно закону контрастов лучше работает голова. Однако Орри все равно прогнали из кабинета, когда там в одиннадцать появился Вульф. Я уже позвонил ему из кухни по внутреннему телефону и доложил, что нахожусь на месте, поэтому он мне не удивился. Вульф подошел к моему столу, просмотрел утреннюю почту, которая оказалась на редкость скудной, поправил пресс-папье и уставился на меня в упор.

– Ну?

– По-моему, подоспело время дать исчерпывающий ответ.

Его взгляд скользнул поверх моего плеча в сторону кушетки.

– Если ты, Орри, понадобишься нам по этому делу, мы снабдим тебя всей необходимой информацией. Но это не к спеху.

– Слушаюсь, сэр.

Орри встал с кушетки и вышел. Когда за ним закрылась дверь, я приступил к докладу:

– Я звонил Лону Коэну. Пуля, которой был убит Ибер, оказалась тридцать восьмого калибра. Джарелл не знал об этом сегодня утром, когда влетел в мою комнату, правда предварительно постучав, но не дождавшись разрешения войти. Он знал только то, что передавали в восьмичасовой сводке новостей. Надеюсь, вы тоже ее слышали. Все равно он был страшно взволнован. Когда я перейду к подробному докладу, вам станет известно, что он говорил. Все кончилось тем, что он велел мне поскорее убраться, пока не появились полицейские. Он просил передать, что остается вашим клиентом, что сам свяжется с вами и что молчание может обернуться для вас целым состоянием. И для меня тоже. Мое молчание стоит не дешевле вашего. Теперь, когда я узнал, что это была пуля тридцать восьмого калибра, у меня лишь две альтернативы: либо пойти в полицию и раскрыть все карты, либо ознакомить вас с партитурой и текстом. Дабы вы всё выслушали и вникли в дело. Если меня упрячут за решетку за сокрытие улики, вы так или иначе окажетесь отрезанным от всего мира, так что вам придется последовать за мной.

– Ха! Я уже сказал вчера вечером, что нет надобности сообщать в полицию о том, что может оказаться обычным совпадением. – Вульф вздохнул. – Однако я допускаю, что мне придется тебя выслушать. Что касается того, вникать мне в дело или не вникать, то это мы еще посмотрим. Приступай.

На рассказ у меня ушло два часа. Не могу сказать, что я донес до босса каждое слово, которое было произнесено за истекший период времени, но я постарался передать все как можно точнее. Я опустил кое-что из беседы между мною и Лоис во вторник вечером в «Колонн» – из того, что обычно говорится в перерыве между танцами, когда оркестр прекрасен, а ваша партнерша и того лучше. Все остальное я до его сведения довел, а он это к сведению принял.

Уж если Вульф слушает, то слушает по-настоящему. Мне пришлось прерваться всего лишь раз, когда вошел Фриц с двумя бутылками пива, которые мой патрон заказал по телефону. Последние полчаса он слушал, откинувшись в кресле и закрыв глаза, но это не значило, что он отключился.

Я встал, потянулся и снова сел.

– Итак, из всего сказанного можно сделать вывод, что нам нужно выждать: то есть сложить руки и только есть, спать и обдумывать, какую назвать сумму, – подытожил я.

– Не такой уж и тяжкий у нас удел, Арчи.

– Но вы прекрасно знаете, что нам остается одно из двух. Либо порвать с Джареллом, рассчитаться с ним и передать дело Кремеру. Он бы это оценил.

Вульф скривил физиономию и открыл глаза:

– Либо?

– Либо вам самому взяться за это.

– За что? За расследование убийства Ибера? Меня никто не нанимал для этого.

Я ухмыльнулся:

– Это вас не спасет. Вы называете это уклонением от ответственности, я – уклонением от удара. Убийство касается нас лишь в определенной степени, если его мог совершить кто-то из домочадцев Джарелла, воспользовавшись его револьвером. Спрашивается: сообщим ли мы о револьвере Кремеру? Нам этого делать не хочется. Клиенту тоже. Но в том случае, если мы решим доложить об этом Кремеру, нам необходимо выяснить, верно ли, что Ибера убил один из тех, кто живет в доме мистера Джарелла. Разумеется, нужно сие не для того, чтобы сделать приятное судье и жюри присяжных, а для того, чтобы позаботиться о самих себе. Если окажется, что все они ни при чем, то пускай Кремер катится ко всем чертям. Если же убийца действительно кто-то из домочадцев, тогда будем действовать по обстановке. Но все это возможно выяснить лишь при том условии, что к делу подключаетесь вы, а если вы к нему подключаетесь, то мне придется позвонить Джареллу и сказать, что сегодня в шесть вечера я собираю всех у нас в кабинете. Что-нибудь не так? Не в порядке?

– Ты не в порядке, – проворчал Вульф.

– Да, сэр. Конечно, в связи с этим возникают кое-какие осложнения: ведь для них я – Ален Грин, а потому никак не могу находиться здесь в качестве Арчи Гудвина, но ведь это так просто уладить. В Арчи Гудвина может превратиться Орри и посидеть за моим столом, я же снова побуду Аленом Грином. Поскольку я был в доме, когда обнаружилось исчезновение револьвера, мое присутствие обязательно. – Я посмотрел на настенные часы. – Через восемь минут подадут ланч. Я должен немедленно позвонить Джареллу.

Я не спеша повернулся в кресле, потратив на это секунд десять, придвинул к себе телефон, снял трубку и стал набирать номер, давая Вульфу время меня остановить. Он этого не сделал. Да и с какой стати ему было меня останавливать, если я припер его к стене своей железной логикой? Он даже не пошевелился, чтобы взять трубку.

В ухе раздалось:

– Офис мистера Джарелла.

Это была не Нора, а какой-то мужчина. Мне показалось, будто я его узнал. Я сказал, что звонит Ален Грин и что мне нужен мистер Джарелл. Через секунду тот был у телефона.

– Я вас слушаю, Грин.

Я понизил голос:

– Нас кто-нибудь подслушивает?

– Нет.

– Вы в этом уверены?

– Да.

– Трубку брал Уиен?

– Да.

– Он с вами в библиотеке?

– Да.

– Тогда говорить буду я, а вы только отвечайте «да» или «нет». Я сейчас нахожусь у мистера Вульфа. Известно ли вам, что пуля, которой убит Ибер, оказалась тридцать восьмого калибра?

– Нет.

– В таком случае доведу это до вашего сведения. Были посетители?

– Да.

– Что-нибудь чрезвычайное?

– Нет.

– перезвоните мне позже и, если желаете, расскажите подробнее. Я звоню по поручению мистера Вульфа. Теперь, когда нам стало известно, что пуля тридцать восьмого калибра, он считает, что я должен уведомить полицию относительно вашего револьвера. Иначе нам могут пришить дело за сокрытие улики. Он самым решительным образом настроен это сделать, однако может и отложить, но только при одном условии. Условие следующее: сегодня в шесть вечера вы соберете всех в его кабинете, и он будет задавать вам вопросы. Под всеми мистер Вульф подразумевает: вас, вашу жену, Уимена, Сьюзен, Лоис, Нору Кент, Роджера Фута и Корея Брайэма. Я буду присутствовать в качестве Алена Грина, вашего секретаря. За моим столом будет сидеть другой человек, которого представят как Арчи Гудвина.

– Я не понимаю, каким образом...

– Помолчите. Вижу, вам не терпится высказаться, но придется помолчать. Можете сказать им, что мистер Вульф все объяснит сам, что он, кстати, и сделает. Вы говорили кому-нибудь из домашних, что пропал револьвер?

– Нет.

– И не говорите. Вульф объяснит им, что, когда вы узнали о том, что Ибер был застрелен из револьвера тридцать восьмого калибра – теперь это наверняка уже сообщалось по радио и, разумеется, появится в вечерних выпусках газет, – то, естественно, обеспокоились и наняли Вульфа расследовать это дело. Он же настаивает на встрече со всем семейством. Знаю, у вас имеются возражения, но вам придется их проглотить. Если же вам непременно нужно высказаться, отделайтесь от Уимена и Норы и позвоните мне. Если от вас не будет звонка, ждем вас всех в шесть вечера.

– Я вам перезвоню.

– Договорились. Буду рад вас видеть. – Я повесил трубку и повернулся к Вульфу: – Вы слышали всё, кроме его «нет» и «да». Довольны?

– Нет, – буркнул он; по-моему, это у него уже просто-напросто превратилось в рефлекс.

Вульф, как вы знаете, терпеть не может, когда прерывают чью-то трапезу, реагируя на это почти так же болезненно, как если бы прервали его собственную. В этом доме заведено следующее правило: когда мы сидим за столом, на звонки отвечает Фриц из кухни (разумеется, в том случае, когда не происходит ничего из ряда вон выходящего); если же дело оказывается срочным, трубку беру я. Конечно, случись что-нибудь эдакое, Вульф тоже мог бы встать из-за стола. Но я, признаться, не припомню такого экстраординарного случая.

В тот день Фриц кормил нас блюдом, которое Вульф прозвал «ежиным омлетом» и которое на вкус куда приятнее, чем на слух. Зазвонил телефон. Я сказал Фрицу, чтобы он не беспокоился, и сам прошел в кабинет. Звонил Джарелл, у которого, как выяснилось, нашлись и другие аргументы, кроме «да» и «нет». Я позволил клиенту выпустить пар, но вскоре спохватился, что омлет либо остынет, либо высохнет, и твердо заявил, что, если он сегодня в шесть часов не соберет в кабинете Вульфа всех своих домашних, мы поступим так, как посчитаем нужным.

Вернувшись за стол, я обнаружил, что благодаря стараниям Вульфа и Орри омлет не успел ни высохнуть, ни остыть. Мне пришлось довольствоваться крохами.

Только мы принялись за авокадо, взбитое с сахаром, лимонным соком и ликером шартрез, как раздался звонок в дверь. Во время трапез дверь тоже открывает Фриц, но я подумал, что это мог примчаться Джарелл, чтобы продолжить начатый по телефону разговор, поэтому вышел из-за стола и отправился в холл взглянуть через одностороннюю стеклянную панель, кто пожаловал.

Вернувшись в столовую, я доложил Вульфу:

– Один из фигурантов уже здесь. Стенографистка Нора Кент.

Он проглотил авокадо.

– Что за ерунда. Ты ведь назначил им на шесть?

– Да, сэр. Но она могла прийти по собственной инициативе. – Снова раздался звонок. – И хочет войти. – Я ткнул большим пальцем в сторону Орри. – Арчи Гудвин может проводить ее в кабинет и закрыть дверь.

– К черту! – Бедняга Вульф, придется ему начать шевелить мозгами раньше, чем он того ожидал. – Ты – Арчи Гудвин, – бросил он Орри.

– Слушаюсь, сэр. Это понижение, но я приложу все усилия, чтобы снова выбиться в люди. Я ее знаю?

– Нет. Ты никогда не видел ее и не слышал о ней. – Снова раздался звонок. – Проведи даму в приемную, вернись и доешь ланч.

Орри вышел, прикрыв за собой дверь, но приемная находится напротив столовой. Нора же могла встревожиться, если бы, проходя мимо, услышала голос Алена Грина, так что свой рот я решил использовать исключительно для поглощения авокадо.

Орри вернулся на место и сказал:

– Вы не оговорили, чтобы я специально подчеркнул тот факт, что я – Арчи Гудвин. Она меня об этом не спросила, поэтому я никак ей не представился. Посетительница назвалась Норой Кент и пояснила, что пришла к мистеру Вульфу. Как долго мне быть Арчи Гудвином?

– Мистер Вульф никогда не говорит за столом о деле, и ты, Орри, это знаешь, – не выдержал я. – Тебе еще не сказали, но ближе к вечеру тебе придется побыть какое-то время мной, так что репетиция не повредит. Просто сиди за моим столом с хитрым видом, вот и все. Я буду следить за тобой через свой «глазок». Если, конечно, у мистера Вульфа нет иных планов.

– У меня нет никаких планов, – буркнул Вульф.

«Глазок» диаметром в десять дюймов находится в стене на уровне глаз в двенадцати футах справа от стола Вульфа. Со стороны кабинета он прикрыт, казалось бы, просто чудесной картиной, изображающей водопад, но с наружной стороны, то есть со стороны холла, ничем не прикрыт, так что через него можно не только видеть, но и слышать. Моей самой длинной вахтой возле этого «глазка» было одно ночное бдение, когда четыре человека ожидали в приемной появления Вульфа (он тем временем болтал на кухне с Фрицем), а мы рассчитывали, что один из них проберется в кабинет и вытащит кое-что из стола Вульфа. В нашу задачу входило узнать, кто именно это будет. Я проторчал возле «глазка» около трех часов, но дверь из приемной так и не открылась.

Орри подождал, пока я займу место на наблюдательном пункте, и лишь тогда распахнул перед Норой дверь из приемной, поэтому я видел представление с самого начала. Он, можно сказать, провалил роль Гудвина, представляя посетительницу Вульфу, а когда уселся за мой стол, стало еще хуже. Придется отрепетировать с ним в преддверии шестичасовой встречи. Его и Нору я видел хорошо, а Вульфа мог видеть, лишь засунув нос в самую дырку и прижавшись лбом к верхнему краю, да и то в профиль. Ниже приводится протокол беседы.

Вульф. Прошу прощения, мисс Кент, что заставил вас ждать. Мисс Кент, если не ошибаюсь?

Нора. Да. Я служу у мистера Отиса Джарелла стенографисткой. Надеюсь, вы его знаете.

Вульф. Что ж, никто не может запретить надеяться. Право надеяться должно охраняться как зеница ока. Я вас слушаю.

Нора. Вы знаете мистера Джарелла?

Вульф. Моя дорогая леди, у меня тоже имеются свои права. К примеру, право уклоняться от расспросов незнакомых людей. Вы пришли ко мне без предупреждения.

(Это было задумано как удар. Если Вульф и достиг своей цели, посетительница перенесла этот удар стойко.)

Нора. У меня не было времени вас предупредить. Я должна была повидать вас немедленно. Я хочу спросить у вас: почему вы направили своего доверенного помощника Арчи Гудвина на службу к мистеру Джареллу в качестве секретаря?

Вульф. Не припомню, чтобы я это делал. Арчи, я посылая тебя работать секретарем у мистера Джарелла?

Орри. Нет, сэр, что-то я такого не припомню.

Нора (не глядя на Орри). Это не Арчи Гудвин. Я узнала Арчи Гудвина с первого взгляда. Я веду специальный альбом, куда наклеиваю вырезки из газет и журналов, в том числе и фотографии людей, которыми восхищаюсь. Там есть три ваших фото, мистер Вульф (два из газет и одно из какого-то журнала), и снимок Арчи Гудвина. Он был опубликован в прошлом году в «Газетт», когда вы задержали этого убийцу... как его... Патрика Дигана. Я узнала Гудвина сразу же, как только увидела. А когда заглянула в свой альбом, у меня исчезли последние сомнения.

(Орри обратил свой взор на чудесную картину, изображающую водопад, и, хотя он не мог меня видеть, его глаза, как я заметил, налились кровью. Я ему посочувствовал. Ведь бедняге дали понять, что его роль провалена окончательно по причинам, от него не зависящим, а он сидит там как дурачок.)

Вульф (не подавая виду, что обескуражен). Я польщен, мисс Кент, что попал в ваш альбом. Мистер Гудвин, разумеется, тоже. Однако же...

Нора. С какой целью вы подослали его к мистеру Джареллу?

Вульф. Прошу прощения, однако нам потребуется гораздо меньше сил и времени, если в дальнейшем мы будем разговаривать с вами, исходя из определенных предположений. И без всяких предвзятостей. Вы, как я понял, убеждены в том, что мистер Гудвин нанялся секретарем к мистеру Джареллу и что это я его туда послал, в чем вас было бы бесполезно разубеждать. Предположим, вы правы. Я с этим не соглашаюсь, а просто допускаю во избежание дальнейших дискуссий. Итак, что дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.